

# Судьба



№ 5 /134/ • 2011 г.

www.gazeta-sudba.ru

ФЕСТИВАЛЬ СМИ

ВСЯ РОССИЯ 2005  
СОЧИ

26 сентября - 1 октября

Лауреат в номинации  
«Выступления в защиту  
прав человека»



ПОМНИТЬ... И НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ!



Любовь Владимировна (16 лет) и Любовь Ивановна (17 лет) Кондрашовой из семьи Прялкиных. Фрагменты единственной фотографии, чудом уцелевшей на заросшей могиле, затерянной в глухом брянском лесу.

Девушки погибли 25 октября 1941 года.

В этот день немецко-фашистские каратели уничтожили 318 человек – мирных жителей лесной деревеньки Хацунь, что в Карачевском районе Брянской области.



## Расстрелянные!

Об уничтожении Хацуни, ставшей первой жертвой гитлеровского геноцида над русским народом, за 17 месяцев до не менее трагических событий в белорусской Хатыни, мало кто знает на самой Брянщине. Для России же хацунская трагедия оставалась неизвестной долгие годы.

Брянский поэт, писатель и журналист Евгений Петрович Кузин, узник фашистского концлагеря «Шталаг-342», многие годы своей жизни посвятил сбору свидетельств той страшной трагедии, произошедшей на двадцатый день оккупации.

– В глухих Брянских лесах затерялась деревенька в несколько домиков, – рассказывает Кузин, – жили в ней простые, мирные люди. Они пахали по весне своё лесное поле, собирали яблоки осенью. Яблони, к сожалению, уже одичавшие, ещё цветут по весне у большака на политой кровью поляне. «Жизнь продолжается!» – будто говорят они редким заезжим.

Это для них, яблонь, продолжается. А для 318-ти хацунцев, деревня которых была в двух километрах от этой поляны, нить жизни навсегда оборвалась в тот мрачный осенний день 1941-го. Они, старые и молодые, юные и совсем дети, не встанут из братских могил. Их нет в живых.

Их нет, но в сердцах живых, в сердцах земляков и соотечественников, они есть. Они будут, хотя и никогда уже не узнают об этом.

В память о жертвах родной Хацуни Е.П.Кузин поклялся себе создать мемориальный комплекс. К участию в благородном деле подключились многие земляки, администрация Карачевского района. И вот 17 сентября 1977 года у многострадальной Хацуни, стёртой фашистами с лица земли,

был заложен первый памятный камень. На митинге выступили свидетели, чудом уцелевшие в той трагедии. От их рассказов, впервые опубликованных в местной газете, леденеет кровь.

Вслед за Евгением Кузиным, бывшим узником фашистского концлагеря «Шталаг-342», мы повторяем: «Хацунь, мы помним тебя!»

Вспоминаются слова великого поэта, солдата-фронтовика А.Твардовского:

*Я знаю, никакой моей вины  
В том, что другие не пришли с войны,  
В том, что они, кто старше, кто моложе,  
Остались там, и не о том же речь,  
Что я их мог, но не сумел сберечь...  
Речь не о том, но всё же, всё же,  
всё же...*

К совести взывает пара юных, полных жизни доверчивых глаз с единственной фотографии, чудом уцелевшей на заросшей могиле, затерянной в глухом брянском лесу. Глаза девушек, расстрелянных в Хацуни, – словно взгляд в наши души. Он заклинает выживших и уцелевших в той страшной войне оставаться бдительными, не забывать прошлого.

Вглядитесь в глаза, которые «остались там»! Они потрясут, побуждают очиститься, возвыситься сердцем, испытать чувство неизбывной вины перед теми, чья жизнь в беззащитную пору детства и юности была оборвана, как струна.

### КОММЕНТАРИЙ К ОТКРЫТИЮ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ХАЦУНЬ»

для редакции газеты «Судьба»  
(г. Улан-Удэ)

Во время фашистской оккупации 1941-1943 годов были убиты, замучены, сожжены более 75 тысяч мирных жителей Брянщины. Угнаны в фашистское рабство 154 тысячи человек, сожжены 968 населенных пунктов.

Первой жертвой фашистского разбоя стала лесная деревенька Хацунь Верхнопольского сельского совета Карачевского района. Кровавая трагедия произошла здесь 25 октября 1941 года. Накануне вышедшие из окружения красноармейцы напали на трех фашистов, конвоировавших нескольких советских военнопленных. В результате фашисты были убиты, а пленные – освобождены.

На рассвете следующего дня Хацунь окружили каратели. Они согнали в центр деревни и расстреляли 318 человек. Это были мирные

жители самой Хацуни, соседних деревень и беженцы из Брянска. Среди расстрелянных было около 60 детей в возрасте до 10 лет.

Через год оккупанты сожгли и саму деревню. Судьбу Хацуни разделили Манешино, Семенцы, Упрусы, Марьевка, Парасочки, Белёво, Матрёновка и многие другие населенные пункты Брянщины.

Мы приняли решение о строительстве на месте хацунской трагедии мемориального комплекса. Нашу инициативу поддержал Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев.

Мемориальный комплекс "Хацунь" сегодня представляет собой впечатляющее архитектурно-художественное сооружение. Оно включает здание музея, гранитные стелы по числу районов Брянской области, стену Скорби, могилу мирных жителей, братскую могилу красноармейцев, а также часовню. В музее, помимо материалов о трагедии Брянщины, будут представлены экспонаты из других регионов России, пострадавших от немецко-фашистской оккупации.

Строительство мемориального комплекса обошлось в 57,4 млн. рублей. Это средства областного бюджета, фонда Президента России, предприятий и организаций региона, а также личные пожертвования жителей Брянской области.

**Н.В. ДЕНИН,**  
Губернатор Брянской области

### МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «ХАЦУНЬ»



Жертва гитлеровского разбоя и бесчеловечности в годы войны, наконец-то, становится памятником всенародной скорби, исторического бессмертия и пронзительного взывания к людской совести. 25 октября в Карачевском районе Брянской области открывается мемориальный комплекс «Хацунь»!

Лидия Васильевна, в двух километрах от вашей деревни 25 октября 1941 года произошла страшная трагедия. Что осталось в памяти об этом?

**Иноземцева Л.В.** 24 октября, уже в сумерках, три верховых немца гнали шестерых красноармейцев. Наши, осинодворские, работали в это время в Хацуни – развозили по домам выкопанную картошку. Делили, как на трудодни. А в одном из домов были красноармейцы, выходявшие из окружения. Увидели они немцев и застрелили двух.

**И много красноармейцев было в Хацуни?**  
**Иноземцева Л.В.** Не знаю точно... Ну, убили

# Как погибала Хацунь

они двух немцев, а третий ушел. Три немецкие лошади остались. Эвакуированные из Брянска взяли себе этих лошадей. Собирались уезжать на них... Народ встормошился, говорит: «Приедут немцы, нас побьют!» А один дед говорит: «Ну за что они нас будут трогать? Не мы же убили их солдат».

**Скажите, а вам в начале оккупации немцы объявляли, что они будут за своих убитых солдат расстреливать мирных людей?**

**Иноземцева Л.В.** Нет. Если бы объявили – другое дело. Люди в тот же вечер ушли бы из Хацуни. А то вот в одном доме невестка из Верхополя гостила. Райкой ее звали. Собралась она с ребенком уходить, а севекор, Прялычев поличному, не пустил.

**А как его фамилия?**

**Иноземцева П.И.** Иван Иванович Кондрашов.

**Иноземцева Л.В.** И дочка его хотели с ней уйти. Но он тоже не разрешил. Многие в деревне уже и узелки повязали. А старые убеждали: «Ну за что они нас будут расстреливать? Старые да малые в деревне остались. Нет, нас не должны бить...»

**И когда немцы появились?**

**Иноземцева Л.В.** На следующий день. В шесть часов утра уже нагрянули. 25 октября. Мы из окон увидели. Шли они по нашей деревне в сторону Хацуни двумя лентами. Здесь вот – возле леса и по огородам за хатами. Пехота шла. И на лошадях ехали... Как мы потом узнали, они сначала, не доходя до Осиновых Двориков, зашли в дом (до войны там начальная школа была), обнаружили красноармейцев. Шест человек. Взяли с ними и нашего двоюродного брата Семена Никитича Кондрашова. Возле нашей деревни стали в них стрелять. В кого попали, а какой от страха сам упал. Короче, немцы тогда убили только двух красноармейцев. Брату удалось убежать. Оставшиеся в живых и он сразу в лес ушли. А его жена Нюрка вслед за немцами пошла, чтобы что-то узнать о Семене.

**Иноземцева П.И.** С мальчиком пошла.

**Иноземцева Л.В.** Да, с мальчиком, Толиком звали. Годов шесть ему было. С ней отправился и племянник ее, сын невестки. Понесем, говорит она, хлебушка и табачку Семену. Никто из нас, конечно, не думал, что немцы идут расстреливать Хацунь... Да, еще с ними пошел сын Кондрашовой Марфы Николаевны, Женик. Когда немцы стали расстреливать хацунцев, ему удалось убежать.

**Назовите, пожалуйста, его фамилию, имя, отчество.**

**Иноземцева Л.В.** Кондрашов Евгений Степанович. Лет четырнадцать ему было. Кажется, он с 1927 года.

**И как потом сложилась его судьба?**

**Иноземцева П.И.** Говорили, что он жил в деревне Мальтино. Как-то немцы взяли его в обоз с лошадей. С тех пор Женя к маме и не вернулся.

**После расстрела он к вам в деревню пришел?**

**Акулова А.В.** Да, он-то нам все и рассказал. Мы ведь ничего не знали. А Женя к вечеру приходит и говорит: «Что ж вы сидите, Хацунь-то расстреляли...»

**Иноземцева Л.В.** Нет, не так было. Он прибежал испуганный, весь дрожит. Забрался на печку и говорит одной из нас: «Кап, а Кап, маму твою расстреляли». Капка сразу раскричалась, а Женя говорит: Не кричи. Всю Хацунь расстреляли. И тепло Нюру с Толиком расстреляли. Всех...» Когда Женя с Толиком шли вслед за немцами, то при подходе к Хацуни, где сейчас построено тырло для скота, показались еще немцы, которые шли в Хацунь по дороге из деревни Приютово. Они только что забрали всех жителей Фроловского поселка, пригнали их в Хацунь к канцелярии и кладовой. Сначала хотели загнать людей в сарай и запалить его. Но потом переводчик скомандовал: «Баб и детей – назад!» Мужиков же с Фроловского оставили в Хацуни.

Когда стали хацунцев расстреливать, крик

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

мы услышали. Куры кудахчут, собаки лают, коровы режут. Все было слышно, как будто рядом. А мы всей деревней – на улице. Волнуемся, томнум. Крики детей, баб слышим. Подумали, что куда-то гонят людей. Гадаем: может и нам готовиться надо?

...Когда крик прошел, началась стрельба. Из пулемета. Та-та-та... Значит, расстреливают, раз пулемет заработал.

**Это уже когда было?**

**Акулова А.В.** Часов в десять утра... А часов в

список, составленный братьями Кондрашовыми – Василием Стефановичем и Сергеем Стефановичем после окончания Великой Отечественной войны...

Вот дом номер один – канцелярия колхоза. Здесь жили сироты из Пашковских Дворов – Тереховы. Кто еще мог быть в день расстрела в этом доме? Четыре человека здесь расстреляны.

**Иноземцева П.И.** Еще там жила бабка с нашего поселка. Милениха, как мы ее звали.

двенадцать немцы назад уже ехали.

**Иноземцева Л.В.** Мы увидели их, спрятались в хаты. Едут, впереди коров гонят. А у нашего колодца солома была. На повозке лежали два голых, убитых красноармейцами, немца. И вот они взяли соломы охапки две, прикрыли убитых, потом опять поехали. Мы из хат не выходили. Только из окон смотрели. К стеклам не приближались, боялись, что заметят... Ну, проехали немцы, а мы же не знаем, что там на Хацуни было. Опять собрались все. И вот прибегает в деревню Женик Кондрашов. В три часа. И прямо – на печку. Тут вся деревня шу-

Яшина Татьяна, лет шестидесяти.

**Иноземцева Л.В.** В этом доме была еще тетя Юли Тереховой – Дофора.

**Акулова А.В.** Это Дарья Николаевна Кондрашова (фамилия девичья).

**Иноземцева П.И.** Ее отец был у нас первым партийцем-коммунистом, как только началась советская власть.

**Иноземцева Л.В.** Вот и выходит, что в канцелярии шесть человек расстреляно.

**В доме № 2 жил Кондрашов Афанасий Иванович...**

**Кондрашова О.В.** Тут расстреляны были

*Протокольная запись беседы журналиста и писателя  
Е.П.Кузина со своими земляками, жителями соседней  
с Хацунь деревеньки Осиновые Дворики –*

*Иноземцевой Лидией Васильевной, Акуловой Анастасией  
Васильевной, Кондрашовой Ольгой Васильевной,  
Иноземцевой Пелагеей Ивановной.*

*Беседа состоялась 12 сентября 1977 года.*

ла к нему. А он-то и говорит: «Капа, маму твою расстреляли». Это моя соседка была – Капка.

**А мать ее как звали?**

**Иноземцева Л.В.** Кондрашова Марфа Алексеевна. Когда крик в Хацуни услышала в то утро, говорит нам: «Побеги. Наверно, выгонят. Помогут тряпки нести». Она и побежала сестре на помощь, а детей четверых оставила. Капка у нее была самая старшая. Она с 1924 года. Другие дети меньше были... Никто ведь не думал, что немцы мирных людей убивать будут. Ее и подхватили, и со всеми расстреляли.

Кондрашов Евгений нам рассказывал, что хацунцев группами стали выводить к канаве и расстреливать, а он набрался смелости, побежал в лес. За ним – немец. Стрелял не раз в него. Парень прибежал в Фроловский поселок, на кордон лесника Кондрашова Михаила Петровича, которого немцы только что расстреляли в Хацуни. Евгений успел, к счастью, на печку к детям вскочить (шестеро их там было). В хату немец ворвался. Спрашивает у хозяйки: «Были у вас кто?» А она говорит: «Нет, никто не заходил». Немец побегал, побегал, под печку заглянул, на печку взглядом зыркнул, но, слава Богу, не узнал Женю среди детей лесника.

Так он и остался в живых. Еще Кондрашов Афанасий Иванович живым из-под расстрела ушел. Ему пули в голову и плечо попали.

**Акулова А.В.** И муж Клавдии из Фроловского поселка остался жив. Он был ранен. Акулов его фамилия, а имя, отчество не знаю.

**И когда же осинодворцы решили побы-  
вать в Хацуни?**

**Иноземцева Л.В.** Три дня туда никто не ходил. Боялись... Потом староста, назначенный немцами, заявил в карачевскую комендатуру о расстреле мирных жителей в Хацуни. Немцы велели похоронить людей. Староста собрал молодежь из Осиновых Двориков, и через неделю после расстрела мы пошли в Хацунь. Пришли, начали готовиться, но вдруг увидели, что немцы из-за поля на дороге показались. Мы все в лес убежали.

**Акулова А.В.** Нет, не все, старики наши остались. Не побежали.

**Иноземцева Л.В.** На второй день, староста снова собрал нас и сказал, что стрелять людей больше не будут... Рыли мы большие могилки, укладывали убитых рядами, узелки их – тоже. Только некоторых в отдельных могилках родственники хоронили. Кондрашова Михаила Петровича, лесника, похоронили в отдельную могилу. Анису забрали приютские. Коммунарские увезли семью нашего гармониста. Остальные – захоронены в общих могилках.

Теперь давайте попытаемся установить имена тех, кто погиб в Хацуни, но не попал в

еще двоюродные нашей мамы. Они в Хацунь приехали из Брянска.

**Иноземцева Л.В.** Погоди, в этом доме еще жили муж с женой и ребенком.

**А как их звали?**

**Акулова А.В.** Мужа – Егором. Его прямо в сарае застрелили. Фамилия, кажется, Гуреев.

**А дочь большая была?**

**Иноземцева Л.В.** Годов двенадцати. Имя жены и дочери не помним.

**Следующий дом – Кондрашова Стефана Ивановича. Из этой семьи расстреляно восемь человек. Кто еще?**

**Иноземцева Л.В.** Больше никого в этом доме не было. Как и в четвертом доме – Кондрашова Ивана Стефановича. Тут четверых расстреляли.

**Пятый дом. Это Прялычевы по прозвищу. Дом Кондрашова Ивана Ивановича. Расстреляно пять человек, в том числе жена сына, Антонина.**

**Иноземцева Л.В.** Нет, ее звали Раей. Родом она из Верхополя.

**Иноземцева П.И.** И грудной ребенок у нее был, Алексей.

**Иноземцева Л.В.** Это ее дед, Иван Иванович, и не пустил в Верхополе, когда убили немцев. «Куда ты пойдешь? поздно», - отговорил он.

**Иноземцева П.И.** Еще в этом доме в тот день была внучка Кондрашова Ивана Ивановича, Люба. Дочь сына Владимира.

**А сын в списке братьев Кондрашовых не записан.**

**Иноземцева П.И.** Он в Полпино тогда жил. А внучка в гости приехала.

**Акулова А.В.** Любе лет 16-17 было.

**Кто еще из дома Прялычевых расстрелян?**

**Акулова А.В.** Кондрашова Марфа Алексеевна, лет сорока.

**Иноземцева Л.В.** Это сестра жены Кондрашова Ивана Ивановича, Акулины. Она же, оставив в Осиновых Двориках своих четырех детей, и побежала в Хацунь.

**А муж ее?**

**Акулова А.В.** Иван Егорович. Он на фронте был. Жив. Сейчас эта семья в Белоруссии или в Латвии живет. Недавно Иван Егорович приехал в гости. У них один сын погиб в партизанах.

**Иноземцева Л.В.** Теперь – о жене нашего двоюродного брата Семене Никитиче Кондрашове, Анне и сыне Анатолии. Их расстреляли...

**А вот – дом Кондрашова Ивана Ивановича, по прозвищу Пленный. Трое здесь в соответствии со списком расстреляны. Кто еще мог находиться в этом доме 25 октября 1941 года?**

**Иноземцева Л.В.** Невестка Наталья, жена сына Ивана Ивановича – Михаила, который был на фронте, воевал с немцами. Наталья расстреляна вместе со своим малолетним сыном.

**А какова судьба Михаила?**

**Иноземцева Л.В.** Его тоже расстреляли в Хацуни. Он выходил из окружения и буквально перед расстрелом хацунцев вернулся домой, с 1914 года рождения был.

**В следующем доме жила семья Анны Егоровны Яшиной. Мне говорили, что немцы прибили гвоздями к воротам ее дочь Нину. Так это?**

**Иноземцева Л.В.** Да, было такое. Люди говорили, но мы сами не видели. Слышали также, что в одном из домов немцы приколоты штыком шестимесячную девочку.

**Акулова А.В.** Это в семье Кондрашова Дмитрия Стефановича. Мы еще не дошли до этого дома.

**По сведениям братьев Кондрашовых в доме Яшиной была также расстреляна жена ее зятя – Елизавета.**

**Иноземцева Л.В.** Нет, у нее свой дом был. Она почти рядом жила.

**Акулова А.В.** В доме Яшиной, кроме своей семьи, жили еще родственники. Имен их не знаем, но в этом доме много людей погибло.

**Иноземцева Л.В.** Дом Елизаветы был не рядом с домом Яшиной, а через одну хату.

**Акулова А.В.** У них жили родственники из Брянска.

**Иноземцева Л.В.** Обождите! У Яшиной еще дочка была, Екатерина. И дети с нею – двое или трое. Она из города приехала к Анне Егоровне.

**Давайте вернемся к семье Дмитрия Стефановича Кондрашова. Сам он погиб на фронте, а жена Аграфена и шестимесячная Нина расстреляны.**

**Акулова А.В.** Это и есть та самая девочка, которую каратели приколоты штыком в люльке. Но у Дмитрия и Аграфены был еще ребенок – лет трех.

**Теперь – девятый дом. В нем жила семья Кондрашова Павла Стефановича. В 1940 году они переехали на станцию Белье Берега. А дом был продан?**

**Иноземцева Л.В.** Да, Акулову Николаю Федоровичу. Сам он был на фронте, а в доме – жена Евдокия и четверо детей. Их расстреляли. Пять человек. А Николай Федорович остался жив. Сейчас пасет коров.

**В доме Кондрашова Семена Стефановича расстреляно пять человек. В списке отмечено, что здесь немцы расстреляли дочку Володи Кондрашова (Прялычева) Любу.**

**Иноземцева Л.В.** Еще один дом был. В нем жила Марфа. Ее расстреляли, а дочка осталась жива.

**А как же с дочерью Володи Кондрашова?**

**Иноземцева Л.В.** Это была не дочь, а невестка Володи Кондрашова. А за домом Акулова Николая Федоровича был еще дом, Егора Федоровича Кондрашова.

**Акулова А.В.** Он остался жив, а жену Марфу Федоровну расстреляли. Там же расстреляны сестра Марфы Варя и ее немой брат Ваня (Акуловы).

**Иноземцева Л.В.** А дочка Марфы во время расстрела была в гостях у своего деда в селе Большое Полпино.

**Теперь – о доме лесника Тарасова в урочище Гвозды.**

**Акулова А.В.** Тарасова Герасима Григорьевича немцы расстреляли одним из первых. Были также убиты его жена, дети брата Андрея, дети лесника. Как их звали, не помним.

**Скажите, а деревню Хацунь немцы сразу сожгли?**

**Акулова А.В.** Через год. В 1942 году.

**Расскажите о доме, где жили сироты.**

**Иноземцева Л.В.** Тот дом, что в списке первым записан – это канцелярия колхоза. В нем жили дети сироты из Пашковских Дворов – Тереховы. А перед ним стоял дом колхозного счетовода. Фамилию его не помню, а звали его Лешкой, женой – Нюркой. У него дети маленькие были. Еще в школу не ходили. Трое или четверо детишек. Сам он был на фронте, а их всех расстреляли. Мы до войны часто заходили в этот дом. Погреться.

**Расскажите подробнее о хацунском гармонисте.**

**Акулова А.В.** Мишка Кондрашов. Это его отца Пленным, по уличному, называли. Он, его жена и ребенок расстреляны. Хоронили их в поселке Коммуна. Их забрал отец его жены... Еще помню: когда Кондрашову Акулину Ивановну клали в могилу, лица ее было не узнать: разрывной пулей в голову немцы убили. Едва опознали.

**Иноземцева Л.В.** Я ходила хоронить хацунцев. И могилы рыла.

**Акулова А.В.** А я не смогла. Посмотрела. Меня охватил ужас. Убежала.

Из книги Е.П. КУЗИНА  
«Хацунская исповедь» (Брянск, 2007 г.)

## Уничтожение евреев лишь эксперимент...

ПРОЛОГОМ ЧЕГО БЫЛ ХОЛОКОСТ

«Надо любыми средствами добиваться, чтобы мир был завоёван немцами. Если мы хотим создать нашу великую Германскую империю. Мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев и белорусов. Нет никаких причин не сделать этого».

«Мы хотим произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали и жалости; слоя, который будет созавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать над широкой массой».

**Гитлер** — (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889-1945). Главный нем. — фаш. воен. преступник, главарь (фюрер) фаш. Национал-социалистической партии (с 1921, глава нем. фаш. гос-ва (в 1933 стал рейхс-канцлером, в 1934 объединил этот пост и пост през.). Установил в Германии режим фаш. террора. Непосредств. инициатор развязывания 2-й мировой войны (22 июня 1941); один из главных организаторов массового истребления военнопленных и мирного населения на оккупирован. терр. С наступлением сов. войск в Берлин покончил с собой — **Советский энциклопедический словарь, М. 1982).**

«Наша цель: истребление 11 млн. евреев, всех цыган, десятки миллионов славян, выселение 75 % населения СССР в Сибирь, уничтожение деятелей науки, культуры. Политических противников, германизация нордической расы (датчан, фламандцев, голландцев, норвежцев) и значительной части детей оккупированных стран; силы — СС, СД, гестапо, полиция, вермахт».

«Мы не признаем себя обязанными за счёт этих (захваченных) плодородных районов кормить также и русский народ».

«Из гуманных соображений неизлечимо больных (в т.ч. детей) в случае критической оценки их состояния обеспечивалась лёгкая смерть».

**Из «Зелёной папки Геринга»**

1 сентября 1939 г.

**Геринг** — (Герман (1893-1946), один из главных нем.-фаш. военных преступников; с 1922 рук. СА (штурмовых отрядов); с 1933 гл. пр.-ва Пруссии, имперский мин. Авиации; инициатор создания гестапо и концлагерей. На Нюрнбергском процессе приговорён к смертной казни; покончил жизнь самоубийством. — **Советский энциклопедический словарь, М. 1982).**

«После предполагаемого поражения СССР должно последовать истребление славянского населения в таких масштабах, что физическое уничтожение евреев следует рассматривать лишь как эксперимент для подобных кампаний в будущем».

«Если кто-либо придёт ко мне и скажет: «Я не могу строить противотанковые рвы с детьми или женщинами. Это бесчеловечно, ибо они умрут». Я им скажу: «Ты убийца своей крови!»»

Октябрь 1939 г.

**Гиммлер** — (Генрих (1900-45), один из гл. нем.-фаш. воен. преступников, один из гл. организаторов фаш. террора. С 1929 руководитель СС, с 1936 шеф гестапо, с 1943 имперский мин. внутр. дел, с 1944 команд. резервной армией. В мае 1945 покончил жизнь самоубийством. — **Советский энциклопедический словарь, М. 1982).**

«Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается, скорее всего, чтобы уничтожить русских как народ».

«Что касается уничтожения антисоциальных элементов, то я считаю, что следующие группы населения должны быть истреблены: евреи и цыгане, поляки..., чехи и немцы, приговорённые к смерти или принудительным работам пожизненно. Мысль о том, чтобы истребить их путём непосильной работы — лучшая мысль».

14 сентября 1942 г.

**Гёббельс** — (Йозеф (1897-1945), один из гл. нем.-фаш. воен. преступников. Идеолог расизма, насилия и захватнич. войн. В 1944 имперский уполномоченный по тотальной военной мобилизации. После вступления советских войск в Берлин покончил самоубийством. — **Советский энциклопедический словарь, М. 1982).**

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ



# Жертвам геноцида

22 июня, в скорбный и памятный день начала Великой Отечественной войны, в подмосковном наукограде Дубне произошло важное событие. В святом для дубненцев месте — мемориале Победы, на торжественном митинге при участии ветеранов войны, администрации, школьников, представителей предприятий и организаций города был открыт памятник детям — несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей.

Глава городского округа Дубна Валерий Прох и председатель Дубненского отделения Московской областной общественной организации бывших несовершеннолетних узников фашизма И.С. Юдин — главные инициаторы создания этого памятного знака, в приветственном слове отметили, что на дубненской земле сегодня живет около 50 ветеранов — бывших несовершеннолетних узников фашизма, и нужно сделать все возможное для того, чтобы они чувствовали заботу, а нынешние и будущие поколения детей никогда не встретились с тем, что пережили дети в годы Великой Отечественной.

Вспоминали подвиг солдат, грудью стоявших на пути врага, самоотверженный труд

Ещё один памятник детям, пострадавшим от гитлеровского разбоя, появился на территории бывшего СССР

женщин и стариков, и их, детей — тружеников, партизан, сирот, у станков и в колхозных полях, в блокаде, оккупации и плену — несломленных, непокоренных, верящих в спасительную Победу.

... Память — то горькое, но единственно верное лекарство, которое должно во все времена хранить мир от фашизма в любых его проявлениях.

Со слезами на глазах подходили ветераны — бывшие узники к окаменевшим фигурам сверстников своего детства, с нежностью прикасались к их волосам, шептали имена сестер и братьев, погибших от голода, холода, фашистских зверств, клали к подножию памятника хлеб, конфеты, игрушки, воду — то, чего так не хватало им в детстве.

Дети — узники, принявшие мученическую смерть — беззащитные, безвинные, чистые как ангелы... Именно так увидели их авторы памятника Ирина Котолевская и Дмитрий Ярмин.

Известно, что стараниями бывших малолетних узников фашизма на огромном пространстве бывшего СССР установлены сотни и сотни памятников, стел и мемориальных мест, посвящённых памяти о многомиллионных жертвах гитлеровских лагерей смерти и гетто, о массовых расстрелах мирного населения, геноцида евреев и славян. «Не пора ли нам создать реестр памятных мест жертвенного подвига детей войны?» — Задавались вопросом участники митинга в Дубне. Возникла идея назвать все памятные места, связанные с геноцидом детей, в нашей газете «Судьба» и выразить через газету благодарность всем, кто участвовал в создании памятников, стел, мемориальных досок и других знаков страдания во имя жизни на земле, во имя будущего.

**Надежда ПЕРЕТЯТЬКО  
Фото Евгения ТИТАРЕВА  
Дубна, Московская область**

## ПОМНИТЬ

Господин председатель Бундестага! Господин президент Германии! Господин президент Бундестага! Господин канцлер! Дамы и господа! Друзья!

27 января 1945 года части Советской армии вступили на территорию комплекса концлагерей Освенцима. Они освободили здесь семь или восемь тысяч человек, предельно изможденных и больных, случайно избежавших гибели от рук эсэсовцев. Несколькими днями ранее 58 тысяч узников Освенцима по приказу нацистов начали свой печально знаменитый поход на запад — «марш смерти».

На протяжении четырех месяцев, оставшихся до конца войны, эти люди вместе с сотнями тысяч узников из других фашистских концлагерей двигались навстречу своей гибели. Нацисты еще надеялись продолжать свою политику массового уничтожения ни в чем не повинных людей; это были последние судороги самого жестокого в истории человечества режима. 27 января 1945 года, с освобождением Освенцима,

### МИР ЕЩЁ НЕ ИЗБАВИЛСЯ ОКОНЧАТЕЛЬНО ОТ НАЦИСТСКОГО УЖАСА,

хотя, разумеется, машина истребления была уже не в состоянии действовать с прежней мощностью.

Научил ли нас чему-нибудь этот опыт? Люди редко учатся на исторических примерах, и история нацистского режима в этом смысле

не является исключением. Мы оказались, как всегда, не в состоянии осознать общую историческую перспективу. В наших школах по-прежнему ведется преподавание истории взлета и падения Наполеона. Мы рассказываем детям о сражении под Аустерлицем, о блестящей победе императора. Вспоминаем ли мы при этом о нескольких тысячах погибших солдат? Задумываемся ли о том, что стало с их семьями, с ранеными по обе стороны фронта, с крестьянами, чьи дома были разграблены и сожжены, жены обезбещены, поля вытоптаны? Мы по-прежнему сообщаем на уроках о полководцах, политиках и философах, которые «делают историю». Мы избегаем касаться темных сторон жизни — массовых убийств, страданий, надругательств над человеческим достоинством, которые во все времена вопиют к небесам. Мы не слушаем стенаний Клио. Мы не желаем признать, что все еще не освободились — и, может, никогда не освободимся от склонности к взаимному уничтожению, если кардинально не изменим свой взгляд на историю, если не признаем того факта, что человек — единственный представитель млекопитающих, готовый систематически уничтожать себе подобных.

По данным американского социолога Рудольфа ДЖ. Раммела, за период с 1900-го по 1987 год по воле правительств и различных захвативших власть организаций было уничтожено 169 миллионов человек — речь

идет только о гражданском населении; помимо этого, 34 миллиона солдат пали на полях сражений. Кто ответственен за эти смерти? В основном, недемократические режимы. Хотя нельзя утверждать, что демократические страны абсолютно свободны от этого явления, но число убитых среди гражданского населения там составляет лишь доли процента от числа погибших военнослужащих.

Однако польза такой статистики весьма сомнительна. Эти данные не раскрывают всей глубины трагедии, а порой лишь обесличивают ее. Мы понимаем, что жертвы издевательств и убийств — это не абстрактные статистические единицы, а живые люди, такие же, как вы и я, и что число жертв недопустимо велико. Война, развязанная национал-социалистической Германией, в основном по причинам идеологического характера, унесла почти 49 миллионов жизней. Большая часть погибших принадлежала к гражданскому населению. Руководствуясь определением геноцида, установленным Организацией Объединенных Наций, мы должны признать, что происшедшее и с поляками, и с цыганами нельзя назвать иначе, как геноцидом. Поляки как народ должны были исчезнуть с лица земли; осуществлялись планомерные массовые убийства поляков, причем первоочередному безусловному уничтожению подлежала польская интеллигенция; школы и университеты были закрыты; каждый

3 стр.

десять священнослужителей был расстрелян; все крупные промышленные предприятия были конфискованы; дети и подростки депортировались в Германию с целью их последующего «онемечивания». Цыган в Германии ожидали массовые казни и стерилизация. Кочевые цыгане Европы подлежали уничтожению (отношение к оседлым цыганам вне Германии, как указывалось в документах, было «временно терпимым»). Жертвами режима стали миллионы

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

прикорбным событием, что интерес к нему постепенно иссякает. На деле происходит как раз нечто противоположное: не проходит недели, чтобы где-то в мире не была опубликована новая книга – воспоминания, роман, научное исследование; не была поставлена новая пьеса, написаны стихи, выпущен фильм или телеспектакль, и так далее. Пусть боль-

фликты – националистические, как в случае армянской резни, или борьба за власть, территории, природные богатства, как в случае Руанды. Но мотивация Катастрофы, впервые в мировой истории, была абсолютно вымышленной.

Говоря о беспрецедентных характеристиках Катастрофы, следует добавить еще один аспект: хотя

### КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРЕТЕНИЕМ НАЦИСТОВ,

но они, безусловно, внесли в его практику много качественно нового. Не только смерть и страдания царили в этих лагерях, но и изощренная система разложения и уничтожения человеческой личности как таковой путем манипулирования основными физиологическими потребностями. Это не имеет прецедентов в истории. Верно, что эта преступная практика осуществлялась не только по отношению к евреям, но именно евреи пребывали в последнем кругу этого ада. Нацисты стремились лишить евреев человеческого образа и подобия, но последовательная политика полной дегуманизации превратила их самих в чудовища, которым нет места в человеческом обществе.

Что создали нацисты? Где их литература, архитектура, художественное и философское наследие? Нацистский Рейх прекратил свое существование, ушел в небытие, оставив после себя лишь руины концлагерей; величайшее «достижение» нацизма, памятник его эпохе – лагерь массового уничтожения Освенцим.

Катастрофа европейского еврейства не имела прецедентов в истории, сейчас это начинают осознать во всем мире. Мы говорим о совершенно особом случае геноцида – всеобщем, глобальном, основанном исключительно на идеологии. Все это может повториться. Пусть не буквально в том же виде, но очень похоже. Я не берусь предугадать, кому в следующий раз будет отведена роль евреев и кому – немцев.

Опасность носит универсальный характер и вместе с тем – как показывает опыт Катастрофы – она непосредственно касается евреев. Невозможно разделить эти два аспекта: универсальный и частный. Экстремальные

глашавшую геноцид, а потому, что в стране сложилась очень тяжелая кризисная ситуация, и лишь нацисты предложили «реальный» (утопический по своей сути) выход из нее. Решающим фактором стало то обстоятельство, что значительная часть интеллигенции – ученые, учителя, студенты, государственные служащие, врачи, юристы, священнослужители, инженеры – сочли для себя возможным вступить в нацистскую партию, поскольку та «гарантировала» лучше будущее вообще и привилегированное общественное положение для своих членов в частности. По мере слияния интеллигенции с режимом стало возможным представить геноцид как мало приятный, однако, неизбежный шаг на пути к достижению утопической цели. А уж после того, как в целесообразности геноцида уверились и господин директор, и господин профессор, и господин директор, и господин пастор – после того, как было достигнуто единство мнения в этом общественном слое, после того, как полумифическая фигура диктатора получила поддержку интеллектуалов, стало уже совсем просто убедить массы и привлечь их в ряды убийц.

Нечто подобное могло произойти где угодно, но именно в Германии, где, по меньшей мере, часть общества с молоком матери впитывала на протяжении всего 19-го века радикальный антисемитизм (часть немецких интеллектуалов придерживалась расистской идеологии более общего направления), нацистским лидерам не составило большого труда превратить большинство населения в своих сообщников. Ведущую роль в этом процессе сыграли университеты и академические круги. Я еще раз спрашиваю себя: научились ли мы чему-нибудь, или по-прежнему воспитываем в наших учебных заведениях людоедов с ученой степенью?

А церковь? Катастрофа вскрыла наличие глубокого кризиса в христианстве. Прошло 1900 лет с того времени, когда Христос проповедовал свое Евангелие любви, и вот его народ гибнет от рук крещеных варваров. Пусть церковь и не сотрудничает с нацистами, но она хранит молчание.

Вместе с тем, невозможно утверждать наверняка, что в немецком обществе доминировал радикальный антисемитизм, хотя в целом неприязненное отношение к евреям было широко распространено и в кругах, не поддерживавших антисемитов, и даже среди противников антисемитов, входивших в состав различных, антагонистически настроенных по отношению друг к другу политических групп: социал-демократов, коммунистов и центристов-католиков, которые составляли большинство политических активного населения Германии в конце 1932 года. Эта укоренившаяся неприязнь делала практически невозможным активный протест против преследования евреев. Невверно думать, что гитлеровский режим был настолько тоталитарным, что выражение протеста в принципе было невозможным. В качестве примера можно назвать не только возмущение политикой умерщвления «неполноценных» немцев, благодаря чему в августе 1941 года прекратилась практика эвтаназии, но даже и демонстрацию немецких женщин в февралемарте 1943 года в Берлине, на Розенштрассе, в результате которой были освобождены их мужья-евреи. Хрупкость немецко-еврейского симбиоза стала очевидной, поскольку возможность создания массового движения в защиту еврейского меньшинства (которое, мягко говоря, не пользовалось особой популярностью в немецком обществе) даже не рассматривалась.

Важно, как мне представляется, и еще один фактор. Европейская культура зиждется на двух столпах: Афины и Рим, с одной стороны, и Иерусалим, с другой. Если двести лет назад у рядового гражданина имелась какая-то книга, то почти наверняка это была христианская Библия, состоящая из двух частей – Ветхого и Нового Завета. Обе части написаны, за незначительными исключениями, евреями.

Древнегреческая и древнеримская литература, юриспруденция, искусство и философия, безусловно, столь же значимы, как библейские пророки и моральные заповеди еврейской Библии. Вместе с тем, в современной Греции и Италии не говорят на древнегреческом и латыни, не молятся пантеону древних богов, создают совершенно иные художественные полотна и пишут другие книги. В этих странах живут другие люди. Но моя внучка читает книгу, написанную три тысячи лет тому назад, в оригинале и не нуждается в словаре. А попробуйте сегодня прочитать Чосера, писавшего всего несколько столетий тому назад.

Когда нацисты взбунтовались против западной культуры, кого же еще они должны были уничтожить, как не

# Речь идёт не о вине, а об ответственности перед будущим

людей из числа русских и других народов, населявших Советский Союз, а также жители Западной Европы, Балканского полуострова, итальянцы и сами немцы.

Как же объяснить всё это? По моему мнению, нацистский режим планировал радикальную революцию, как вызов всему существовавшему прежде мироустройству. Речь шла не о новом социальном порядке, не о религиозных догмах и даже не о будущем тех или иных стран. Речь шла об установлении абсолютно новой системы, основанной на понятии «раса». В рамках этой системы одна произвольно обозначенная как «высшая» раса не только имела право, но и была обязана властвовать над всеми прочими, поработать их и уничтожить тех, кто попадал в разряд «низших» рас. Эта идеология носила универсальный характер. «Сегодня нам принадлежит Германия, завтра – весь мир», – провозглашалось в нацистском гимне.

Как же стало возможным, что народ, известный своими богатейшими культурными традициями, живший в центре Европы и внесший значительный вклад в мировую цивилизацию, одобрил и поддержал такую идеологию, способствовал ее формированию, развязал во имя нее войну на уничтожение и не отрекся от этих идеологических принципов вплоть до бесславного конца? Дело ведь не только в терроре, дамы и господа. Здесь имело место явное общественное согласие, основанное на вере в обещанную утопию – «идеальный мир, в котором правит некая монолитная общность людей, в которой не существует ни разногласий, ни демократии, ни политических партий и течений, зато к услугам каждого представителя «высшей» расы имеется неограниченное количество рабов, которых можно использовать по своему усмотрению». Для достижения подобного «процветания» необходимо было отбросить все прежние ценности западной цивилизации: свободу и уважение личности, принципы гуманизма, иудео-христианскую мораль, устои среднего класса, все достижения Французской революции и эпохи Просвещения. Фактически национал-социализм был самым радикальным из всех революционных и контрреволюционных движений, известных человечеству; это был бунт против всех основ человеческого духа и свободной мысли.

Основой практики истребления тех, кто относился к категории «низших», стало «окончательное решение еврейского вопроса», воплощавшее концепцию полной ликвидации еврейского народа. Каждый еврей, оказавшийся в сфере досягаемости нацистов, должен был быть уничтожен. Самое страшное заключается не в звериной бесчеловечности нацистов; напротив, самое страшное заключается в том, что они были людьми – такими же, как вы и я. Нас убеждают, что они решительно отличались от нас, что сегодня мы можем спать спокойно, ибо нацисты были дьяволами, а мы вовсе не дьяволы, поскольку мы не нацисты. Однако такие заявления – наивный эскапизм, попытка бежать от истинного ответа на мучительные вопросы. Точно так же, как и утверждение, что немцы якобы были генетически запрограммированы на совершение массовых убийств. В соответствии с таким подходом, поскольку большинство человечества не является немцами, то бояться нам больше нечего: все случившееся было возможно только в Германии и не может повториться нигде в другом месте. Подобные рассуждения – не что иное, как расизм наизнанку.

Катастрофа произошла почти 60 лет тому назад, и сегодня можно услышать, что пора уже, что называется, подвести черту под этим

шинство этих произведений не поднимается над уровнем кича, но ведь многое, безусловно, имеет художественную или историческую ценность. И снова мы задаемся вопросом: почему? Почему темой этих произведений избирается Катастрофа, а не ужасы Камбоджи, не трагедия тутси или армяне, не события в Боснии, или истребление североамериканских индейцев?

Я не уверен, что смогу ответить на этот вопрос лучше других, но все же попытаюсь. Я не думаю, что дело тут в какой-то чрезвычайной жестокости и исключительном садизме и по отношению к жертвам Катастрофы – для страданий, пыток и смерти не существует количественных оценок. Я опубликовал (на английском языке) свидетельство цыганки, на глазах которой были убиты трое ее детей. Но какой мерой можно измерить – с целью дальнейшего сравнения – трагедию избиваемых евреев, вымиравших от голода русских крестьян, племени тутси или камбоджийцев? Невозможно утверждать, что одно массовое убийство более ужасно, чем другое, что один человек страдает при этом больше, чем другой. Сама мысль о таких сравнениях пред-

**Концентрационный лагерь не является изобретением нацистов, но они, безусловно, внесли в его практику много качественно нового. Не только смерть и страдания царили в этих лагерях, но и изощренная система разложения и уничтожения человеческой личности как таковой путем манипулирования основными физиологическими потребностями.**

ставляется отвратительной. Не жестокость и не садизм палачей делают Катастрофу единственной в своем роде. Действительно, национал-социалисты творили неслыханные зверства, но жестокость как таковая, к сожалению, хорошо известна в истории человечества. Может быть, Катастрофа отличается от других массовых убийств тем, что была политическая линия, инициированная государством и осуществлявшаяся с бюрократической тщательностью и с использованием достижений новейшей технологии? Не думаю. Геноцид армян также осуществлялся с использованием многих технологических и бюрократических новшеств своего времени, да и сами нацисты использовали по отношению к полякам или цыганам те же средства, что и по отношению к евреям.

Мотивация политики полного истребления определенных групп населения носила идеологический характер. Расистская антисемитская идеология явилась рациональным плодом иррационального подхода, того подхода, который можно назвать метастазами раковой опухоли христианской антисемитской идеологии, омраченной христианско-еврейские отношения на протяжении двух тысячелетий. Нацистский антисемитизм был в чистом виде идеологической концепцией, лишь в незначительной степени связанной с действительностью; евреев обвиняли во всемирном заговоре и корни этих обвинений уходили в пропитанное ненавистью к евреям Средневековье, хотя в действительности евреи не в состоянии были достигнуть необходимого для заговорщиков единства – между нами говоря, они не в состоянии достигнуть его и в наши дни. Заговор действительно существовал, но не еврейский, а национал-социалистский.

Во всех иных известных нам случаях мотивацией геноцида служили конкретные кон-

характеристики Катастрофы не исключают возможности сопоставлять ее с другими случаями геноцида и рассматривать как предостережение всему человечеству. Мы уже были свидетелями аналогов Катастрофы – пусть не полных, но грозных по своим масштабам. Позволилось ли игнорировать подобное предостережение? Не явятся ли новые преступники, которым Катастрофа послужит примером, достойным подражания и повторения?

Как же все-таки это могло случиться? Я полагаю, что за ответом следует обратиться к древнему истолкованию сути человеческой души, которое дано в великой книге моих предков. В этой книге сказано, что у человечества был выбор между Добром и Злом, между жизнью и смертью. Это означает, что человек способен и на то, и на другое, что в его существе борются Бог и дьявол. Или, говоря более современным языком: и жажда жизни, и стремление к смерти – присутствуют в нас. В разных ситуациях мы можем стать и злодеями – эйхманами, и героями-избавителями.

А теперь о Германии.

### РЕЧЬ ИДЁТ НЕ О ВИНЕ, А ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Мы обязаны рассмотреть вероятность нового пробуждения чудовища, поскольку, дамы и господа, вы отлично знаете, что «Смерть – это господин из Германии», хотя евреи никогда не были врагами ни немцев, ни Германии. Совсем наоборот – немецкие евреи всегда гордились тем, как много они сделали для германской культуры и цивилизации. Итак, попытаемся исследовать характер нацистского режима. По моему мнению, следует говорить о псевдонтеллектуальной элите, пришедшей к власти не по тому, что массы поддерживали ее идеологию, провоз-

3 стр.

евреев, которые и в наши дни кровно связаны с истоками этой культуры? Еврейская мысль – нравится это евреям или нет – основа основ западного мировоззрения и мировосприятия. Это мировоззрение распространяется по свету и через посредство так называемой западной цивилизации, и через посредство популярной китчевой культуры, которая также зародилась на Западе.

## Выступление в Бундестаге 27 января 1998 года

### МУЗЕЙ ОСВЕНЦИМА – В ПРИГОРОДЕ ХИРОСИМЫ. ПОЧЕМУ?

Книги о Катастрофе читают в странах Южной Америки. Катастрофа стала общепринятым символом Зла, поскольку она представляет собой наиболее крайнюю форму геноцида, поскольку ее события не имеют прецедентов, поскольку эта трагедия еврейского народа и поскольку евреи – хотя они не

**Катастрофа, как и другие злодеяния, совершенные национал-социалистами, показали не только крайнюю степень зла, на которое способен человек, но также – по контрасту – и высшую степень добра.**

лучше и не хуже других народов и страдали в этом мире не меньше и не больше многих других народов – являются одним из столпов современной цивилизации.

Историк, по моему мнению, это человек, который не только анализирует исторические события, но и рассказывает правдивые истории. Вот одна из таких историй. В Радоме, что в Польше, жила-была женщина, и было у нее два сына. Ее муж в 1939 году уехал в Палестину, чтобы подготовить там условия для прибытия своего семейства. Начавшаяся война разлучила семью. Муж стал гражданином Палестины и попытался спасти жену и детей, включив их в списки обмена на немецких поселенцев Палестины.

В октябре 1942 года, когда женщина уже прекрасно понимала, что ждет ее и ее сыновей, она получила повестку с приглашением явиться в канцелярию своего семейства. Начавшаяся война разлучила семью. Муж стал гражданином Палестины и попытался спасти жену и детей, включив их в списки обмена на немецких поселенцев Палестины. Через час она должна была вернуться в канцелярию с обоими сыновьями. «Но мой старший сын работает за пределами гетто, - сказала женщина, - как же я смогу разыскать его?» На что гестаповец ответил, что это не его забота – явиться через час. А если нет? Женщина была в отчаянии. Следует ли ей и младшему сыну разделить судьбу первожденного? Или попытаться спасти хотя бы младшего – и себя? И тут к ней подошла соседка и сказала: «Послушай, твоего старшего все равно не спасти. Возьми вместо него моего сына, ему столько же лет». Через час женщина пришла в гестапо с двумя мальчиками. 11 ноября 1942 года они прибыли в Хайфу. Оба мальчика со временем стали уважаемыми израильскими гражданами, теперь у них самих же есть дети и внуки.

Женщина предпочитала не вспоминать. Она не искала сочувствия у окружающих. До конца своих дней она держала небольшой магазинчик на улице Алленби, напротив Большой синагоги в Тель-Авиве. Про нее говорили, что она – из тех, кто пережил Катастрофу. Но жила ли она? Была ли она жива? Я не уверен.

Катастрофа, как и другие злодеяния, совершенные национал-социалистами, показали не только крайнюю степень зла, на которое способен человек, но также – по контрасту – и высшую степень добра. После выхода на экраны известного фильма Спилберга широко обсуждалась противоречивая фигура Оскара Шиндлера. Даже если очистить миф от всех наслоений, останется над чем поразмыслить. Шиндлер был не только членом нацистской партии, но и шпионом, бабником, алкоголиком, безжалостным эксплуататором, лжецом. Не так уж много на свете людей, к которым применимы все эти нелестные характеристики. Но при всем том – он содействовал спасению более чем тысячи человек. Он рисковал карьерой и собственной безопасностью. Он сам и его жена на руках выносили больных и умирающих еврейских рабочих из промерзшего вагона в попытке спасти им жизнь. Он не обязан был это делать, но он это делал. Он отправился в Будапешт, чтобы предупредить евреев об опасностях Катастрофы. Он не обязан был это делать,

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

но он это сделал. Почему? Потому, что он был человеком – да, грешным, но в то же время и замечательным.

История Шиндлера свидетельствует о том, что даже немцы, даже члены нацистской партии не обязательно шагали в ногу со всеми. Шиндлер и подобные ему – напри-

мер, Отто Буссе в Бялостоке, снабжавший еврейских повстанцев оружием, - доказали, что всегда есть место искре добра. Деяния этих людей не только оттеняют вину других, но и говорят о том, что надежда на спасение не потеряна.

Или вот история Мацека. Настоящее имя этого человека Мордехай. Имя – это все, что ему известно. Перед войной мать отдала его, трехлетнего, в приют в Лодзи. Так ему рассказывали. А потом началась война, и его

вырастила в Кракове польская женщина, Анна Моравская. Он, естественно, считал ее своей родной матерью.

В шестилетнем возрасте, когда он играл на улице, его сбила машина, в которой ехали немецкие солдаты. Те хотели отвезти ребенка в больницу, но Анна не позволила. Она понимала, что мальчика ждет неминуемая смерть, стоит кому-то увидеть, что он обрезан.

Когда война кончилась, к ним в дом пришла женщина, и Анна сказала Мацеку, что это его мать. Женщины вместе отвезли Мацека в еврейский приют в Лодзи. Мать Мацека почему-то исчезла. Его вместе с другими сиротами отправили в Израиль. Анна, спасшая его во время войны, вскоре умерла. По сей день Мацек ничего не знает ни о своей семье, ни о себе. Единственное, что ему известно: польская женщина спасла ему жизнь... Она любила его – еврейского мальчика-сироту.

Да, были Анны, и были Шиндлеры, но таких было немного. А большинство было похоже на героя следующей истории. Не знаю, правда, это или нет, но так рассказывают. Эсэсовец пообещал еврейке, что сохранит ей жизнь, если она угадает, какой глаз у него искусственный. Женщина, не колеблясь, сказала: «Вот этот – стеклянный». - «Правильно, - удивился эсэсовец, - но как ты догадалась». - «Да потому, что он больше похож на человеческий».

Так вот, возвращаясь к вопросу: научились ли мы чему-нибудь? По-моему очень немногому. Но надежда не умирает. Так считают даже люди, много пережившие – вроде меня. На вас, дамы и господа, равно как и на членов других демократических парламентов, возложен груз особой ответственности – как на европейцев и, в особенности, как на немцев.

Я думаю, вам не надо объяснять, что события в Руанде или в Боснии происходят буквально у порога нашего дома. Помните о Катастрофе – это первый важнейший шаг. Изучать историю Катастрофы и рассказывать нашим детям обо всех событиях второй мировой войны, и всего, что было после этой войны – всех проявлений расизма, антисемитизма, ксенофобии. Мы, немцы и евреи, в этом вопросе зависим друг от друга. Вы без нашей помощи не в состоянии восстановить всей правды, а мы должны быть уверены, что здесь, на месте зарождения страшной трагедии и на руинах прошлого, будет построено новое гуманное общество, бережно хранящее лучшие черты старого и создающее новое. Мы вместе несем за это ответственность перед всем человечеством.

И, наконец, последнее. В той книге, о которой я уже говорил, имеются Десять заповедей. Возможно, нам следует добавить к ним еще три: «**Ни вы, ни ваши дети, ни дети ваших детей да не будут никогда повинны в совершении преступлений геноцида**». «**Ни вы, ни ваши дети, ни дети ваших детей да не позволят себе никогда стать жертвами геноцида**». «**Ни вы, ни ваши дети, ни дети ваших детей да не будут никогда пассивными свидетелями массовых убийств и трагедий, подобных Катастрофе**». Будем надеяться, что так оно и будет.

## Исповедь уцелевшего человека

# На дорогах войны не значились...

*Орловская инициатива оставить восточку поколениям (см. «Судьбу» № 132) пришла по нраву многим нашим читателям. Рассказы и воспоминания о Великой Отечественной войне переполняют почту «Судьбы». Бывшие узники фашизма, её непосредственные участники, о своей жизни, об истории трагического пути, о послевоенных страданиях и судьбе высказываются всё полнее и откровеннее.*

*Эти записки пришли из Владивостока, от Людмилы Семёновны Михайловой, в своём далёком детстве пережившей оккупацию, угон на чужбину и концлагерь под Гатчиной.*

*Читателям «Судьбы» это имя знакомо. Председатель совета БМУ по Приреченскому району Владивостока на страницах нашей газеты не раз поднимала вопрос о несправедливом отношении к жертвам фашизма в Приморье. Особенно к тем, кто, угонялся в Германию будучи взрослым человеком.*

*- В отличие от детей-узников, нашим бабушкам и мамам, побывавшим в плену, по воле бездушных и далёких от войны людей, никаких льгот не положено. А ведь именно «взрослые» узники в полной мере познали все ужасы неволи, именно они не только сами выжили в нечеловеческих условиях принудительного труда, голода, холода и унижений, но и спасали нас, детей, поддерживали в нас веру в жизнь, в лучшее будущее. - писала в своих статьях Людмила Семёновна. - После войны многие из них о своём прошлом старались не вспоминать, невысказанную боль войны уносили с собой в могилу.*

*Память о взрослых, которые в суровую годину не бросили детей на произвол судьбы, не предавали, а несли на себе, как крест, прикрывали собой и вели их, беззащитных и сирот, за руку через войну и невзгоды - эта память позволяет нам, малолеткам, выжившим и уцелевшим при оккупации и в гитлеровских концентрационных лагерях, по-новому взглянуть на горькое детство, юность, на всю свою жизнь.*

*Сегодняшнее, не замутненное годами воспроизведение в нашем сознании впечатлений о войне вселяет в душу оптимизм и глубокую веру в нравственные силы нашего народа, в его будущее.*

*Об этом и говорят записки Людмилы Семёновны Михайловой.*

*Прочтём же их вместе.*

### ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Мы жили в Ленинграде. Мне шел восьмой год, я отдыхала у бабушки, про войну не думала, а собиралась пойти в первый класс.

Отец мой, Морозов Семен Михайлович 1914 г.р., родом с Алтая, родители в 30-х годах погибли с голоду и он, как сирота и способный к учебе был направлен учиться в военно-морское училище, перед войной закончил факультет журналистики. Мать: Морозова (Спириденко) Ольга Давыдовна 1912 г.р., работала начальником спасательной станции.

Когда папу направили на практику на Черное море, мы всей семьей поехали туда, сняли квартиру в Одессе, а жили на Хаджибеевском лимане, где мама работала спасателем.

Перед войной мы вернулись в Ленинград, отец заканчивал учебу, а мама родила мальчика, назвали его Александром. До этого мы жили на бульваре Профсоюзников в огромной коммунальной квартире. У всех было по одной комнате, общий коридор, превращенный в кухню с всякими примусами, керогазами и один туалет на всех.

В связи с рождением Саши, родителям дали отдельную квартиру на ст. Дачное, куда мы переехали весной 1941 г.

Каждые выходные и праздники мы выезжали в село Никольское (ныне город в 40 км. от Петербурга) к бабушке и дедушке.

Тогда особо не полагалось говорить о своих предках, особенно, если они не были выходцами из рабочих или крестьян, судя по трехэтажному дому, каким владела моя бабушка Спириденко Мария Ивановна. Она получила по тем временам неплохое образование – 4 класса церковно-приходской школы.

А дом у них был такой: первый этаж когда-

В плену выживали не чудом, а благодаря обретенным ещё в мирное время качествам: инстинкту самосохранения, заботливому отношению к близким, слабым и немощным, старым и малым, умению ладить с другими

то был отдан слугам и там были всякие кладовки, погреб и пр. Второй этаж был самой жилой и делился на две половины: переднюю и заднюю. В свою очередь передняя делилась на две половины с разными ходами. Там жили мамы братья Сергей и Константин с семьями. А вся задняя половина дома принадлежала бабушке с дедом. Третий этаж принадлежал маме – это было ее девичье жилье.

Поездка в Никольское для меня всегда была большим праздником. Родители меня баловали: водили в театр, парк, катали на лодочке, покупали вкусное мороженое и ситро.

Но у бабушки с дедом мне нравилось больше. У них была мне дана полная свобода. Там были два двоюродных братишки, соседские ребятишки, с которыми можно было бегать на речку Тосно, кататься на лодке, лазить в пещеры, отдыхать в гамаке. А уж как дед меня любил, этого мне никогда не забыть. Например, дед меня спрашивает: «А что хочешь моя любимая внучка?» (я у них первая родилась). Отвечаю: «Красные туфельки и белые носочки». Идем в магазин. Все куплено, одето, обуто. Дед еще спрашивает: «А теперь чего же ты хочешь?». «А теперь я очень хотела в новенькой обновке залезть в огромную лужу и побродить по ней». И дед мне разрешает. Бабушка была в шоке, но дед был не меньше меня счастливым от доставленного мне удовольствия. Так что детство мое перед войной было счастливым.

А вот у наших родственников возможно уже было ощущение надвигающейся войны. Из чего оно складывалось? Частные разговоры? Слухи? СМИ?

Я уже говорила, что мои родители, в силу своей молодости, не говорили о войне, а жили тем, что у них было: любовь, семья, работа и отдых, а когда родился Сашка, они вообще балдели вокруг него, радовались полноте жизни.

Газет у бабушки я не видела, их привозил из поездок дед, и все что-то там читали. Сегодняшнего понятия «СМИ» - такого тогда не было. У бабушки хранился граммофон, но он шипел, заикался и дед ей привез патефон, который бабушка и все ее женщины любили и постоянно заводили. Мама хорошо пела и в доме «крутили» пластинки с песнями Ляли Черной, Козина, Вертинского, Изабеллы Юрьевой, Виноградова и др. А еще на стене висела черная конусообразная тарелка – радиоприемник назывался Крутанеш княпочку, а оттуда: «Вдоль деревни от избы и до избы» или «Раскинулось море широко» - особая любимая песня была в нашем доме.

Отец хорошо играл на гитаре и предпочитал петь романсы, типа: «Капризная, упрямая, вся соткана из роз...», иногда мама отвечала озорными частушками, вроде этой: «Едет Ленин на свинье, Сталин на собаке, полюбуйтесь-ка на них - какие вояки».

За годы перестройки создали такое мнение у людей, что все до войны жили в глубоком страхе, всех поголовно ссылали в ГУЛАГ и т.д. На примере нашей семьи могу сказать, что это не так.

Да, бабушка у нас не из рабочих и крестьян, а из фабрикантской семьи (кирпичные заводы имели свои), поэтому к бедным не относились, имели хороший дом и скот, работников. Дед в Гражданскую и первую мировую воевал на фронте в качестве белого офицера. Но при этом они оставались порядочными людьми. Их раскулачили. Дед отдал весь скот (лошадей, коров и прочее), забрали и бабушкины фамиль-

5 стр.

ные драгоценности, хлеб и др. Бабушка все время ворчала на деда за это, а он в ответ обнимал ее, говорил: «Зато, Манечка, нас куда-то не сослали и мы с тобой живы, здоровы, дети и внуки с нами и все хорошо, не переживай!». Мы все перед войной были счастливыми в нашей семье.

#### НАЧАЛО ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. мы все собрались в бабушкином доме по случаю приезда из Эстонии

# На дорогах войны не значились...

маминого брата – Сергея Давыдовича Спириденко. Взрослые сидели за столом, пили, ели, говорили, радовались, что собрались все вместе. Мы ребятишки – бабушкины внуки Юра, Олег и я, внучка, носились туда-сюда по дому. Наши маленькие сестры Лидочка и Аллочка и братик Сашенька были меньше года по возрасту и лежали в другой комнате с нянькой.

На второй этаж вела широкая лестница с перилами, на которых мы катались, галдели, потом побежали на речку, катились с горки на самокате, кругом было зелено, солнечно...

Слово «ВОЙНА» прогремело из радиопропродуктора и было подхвачено ребятишками. Одни успели посмотреть на испуганные лица взрослых, а другие, размахивая своими деревянными пистолетами, побежали вдоль улицы и в каком-то диком восторге вопили одно слово: «война».

В нашем доме первым опомнился Сергей, он быстро начал собирать чемодан и сказал, что срочно уезжает в часть. Жена его Муся кинулась на шею с криками: «Не пусти!». Он обнял ее, взял за плечи и твердо сказал: «Я военный, Мусенька, я должен быть там!». И они пошли собираться.

Спокойная Женя знала, что Костя сейчас уедет в Колпино, на завод, и перечить ему бессмысленно. Он поцеловал ее и ушел. Надел свою фуражку и дед. Он в своей форме железнодорожника был очень похож на Кагановича, его иногда даже приветствовали: «Здравствуйте, Лазарь Моисеевич!», а он смеялся и не обижался. Наш дедушка Спириденко Давыд Андреевич ушел на службу 22 июня 1941 г., и больше мы его не видели. Видимо, погиб при бомбежке состава. Сколько я ни делала запросов во все инстанции, никаких данных о нем так и не нашлось. Было ему тогда 55 лет.

Мы тоже засобирались домой на ст. Дачное. Ехали молча, даже Сашенька не плакал. Дома отец переоделся в морскую форму и ушел. Потом забежал к вечеру на пару минут, чтоб сказать, что уходит на фронт. Мы все остались одни. Бабушка с невестками и четверьмя внуками. Мама с двумя детьми.

Я смотрела в окно. Со ст. Дачное было видно, как в небо поднимаются огромные серые дирижабли или стратостаты, я тогда про них ничего не знала и спросила у мамы: «Зачем?». Она мне объяснила, что это заграждение от немецких самолетов. Я до сих пор их помню.

Вдоволь наплакавшись, мама стала собирать нас с Сашей в дорогу. Побросала в чемоданчик нашу одежду, приготовила покушать, и мы снова поехали в Никольское. Дорога оказалась трудной, еле втиснулись в вагон, все

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

куда-то ехали, все были возбуждены, стояли с маленьким ребенком до самой станции Саблино, а потом шли пешком сколько-то километров, т.к. никакого транспорта не было.

Мама объяснила бабушке, что ей надо выйти на работу из декретного отпуска, чтобы хоть как-то жить дальше. Она обещала приехать за нами, как только уладит свои дела. Я даже

несколько дней, а потом вдруг встали. Сошли со своих мотоциклов, и пошли по домам. Выбирали себе дом получше и вставали на ночлег. У нас отобрали весь второй этаж и расквартировались в наших постелях, а мы перебрались в заднюю часть дома. Затем они пошли в сарай и стали резать всю живность. Стоял кромешный ад, свиньи визжали, коровы мычали, за курами немцы носились с хохотом и ловили их до глубокой ночи. Потом все это варили в своих полевых кухнях, наедались до скотского состояния, запивая все это шнапсом. Люди стали прятаться, особенно страдали женщины, их пытались ловить и тащить куда-нибудь.

К этому времени погода стала меняться, заканчивалась осень и начинались холода. А с ними и голод. Есть было нечего, все, что было съедобного немцы забрали себе. Никаких животных в селе не осталось, люди даже кошек и собак всех съели. Ходили на пороховой завод, набирали там глицерин и соевую муку, что шла для пороха. Пытались печь лепешки, добавляя лебеду.

Еще можно было кое-чем поживиться у немецких лошадей. Немцы поступили так: в одноэтажных домах вырезали проем между окон, делали настил и в дом, где жили люди, заводили своих лошадей. Они их очень хорошо кормили – овсом и специальным кормом. Во время бомбежек, немцы лошадей привязывали, а сами бежали прятаться. Лошади от разрыва бомб бесились, ржали, вставали на дыбы, пытались вырваться и бежать. А мы, ребятишки, в это время хватили овес, корм – все забирали в свои сумки и бежали домой. Бабушка парила овес (с охвостьями), молола на мясорубке, обваливала в этом корме и лепила лепешки. А когда какую-нибудь лошадь убивало снарядом или осколками, все бежали отрезать хоть кусочек конины. Немцы тогда еще были более-менее сыты, потешались над нами, фотографировали и отсылали фото своим в Германию, посмотрите, мол, на этих русских варваров.

Но времена менялись не в пользу немцев. На Волховском и Мгинском направлениях шли кровопролитные бои, Колпино они не одолели, ополченцы грудью заслонили свой город. Рано утром приезжали грузовики с досточками – сидениями. В них помещали молодых немецких солдат. Стояла суровая зима, а они одеты были совсем не так, как те офицеры, что вошли первыми к нам. У тех были шинели на меху, теплые сапоги и прочее, а эти солдатики были в тонких френчах и пилотках. Им давали шнапс и отправляли на фронт. К вечеру эти же машины привозили обратно их трупы. Все пространство от центральной длинной улицы в Никольском до порохового завода (несколько километров) было превращено в кладбище: могила, березовый крест и каска на нем. Все поле из крестов.

Те немцы, что остались в селе, ходили по домам и отбирали теплую одежду, одевали на себя и женские пальто и шубы. Отобрали все одеяла.

Жить с каждым днем становилось холоднее, страшнее и голоднее. Наш дом сожгли немцы. Мы прыгали со второго этажа в окно. Ночью в лютую стужу оказались без всего. Сначала нас приютили родственники, но они и сами жили в тесноте и еле сводили концы с концами. Бабушка каким-то чудом умудрилась вырыть в замерзшем грунте землянку, натаскала с развалин всяких тряпок, закутала нас в них, а сама пошла в дальнюю деревню, где не было немцев, менять свои золотые украшения (серьги, кольцо, цепочку, браслет) на продукты. За все – про все «добрые» люди дали ей картофельных очисток, хряпы (последние листья с корнем от калустья) и флакончик рыбьего жира. Жарили мы на этом жиру эти «овощи». Даже сейчас, когда пишу, меня начинает тошнить от одних только воспоминаний, но есть надо было. Маленькому Саше «отвалили» кусочек жмыха. Бабушка делала отвар, поила им маленького ребенка, но организм не выдержал, и Сашенька с голоду умер. Умерли с голоду и Лидочка с Аллочкой, а мы трое остались: я – с 1933 г., Юра – с 1937 г., Олег – с 1938 г.

Страшнее голода и холода были бомбы и снаряды. Бомбили нас без конца. Линия фронта была рядом, причем попеременно менялась: то немцы, то русские, но все это в бесконечном покое, поэтому не всегда можно было понять, у кого мы находимся. Зима была страшной.

Наступила весна 1942 г. В селе почти никого не было: либо они были убиты, либо умерли с голоду, либо увезены в Германию. Оставались одни старики и дети, как мы с бабушкой. Есть уже было совсем нечего, трава еще не появилась, умирали, как мухи.

Но в мае 1942 г. специальный отряд вооруженных немцев стал обходить землянки. Выбывали ногой «двери» и под дулом автомата выводили людей из землянок, строили и вели

на стадион. Там стояли машины, нам велено было в них садиться, и нас повезли на ст. Саблино. Там мы под бомбежкой ждали эшелон. Под лай собак и под дулом автомата нас загоняли в вагоны, закрывали на засов и увозили неизвестно куда. Я этот период помню плохо: нас было очень много в вагоне, там даже сена-соломы не было, голый пол, продукты не давали, в туалет не выпускали. Я валялась в каком-то бреду и только то, что мой организм был здоровым при рождении и хорошей жизни до войны – позволило мне выжить в этом аду. Да еще забота бабушки.

Оказались мы в Гатчине и привели нас в концлагерь за колючую проволоку. Там были и военнопленные, и гражданские. Отдельно. От ворот лагеря дорога шла немного вверх и в конце ее, на самом высоком месте стояла полевая кухня. Мы выстроились в длинную очередь перед ней и нам стали наливать в зачуханные миски по поварешке баланды. Это отвратительное пойло, состоящее из воды и брошенных туда отходов от овошей, таких как капуста, брюква и еще что-то. От этой еды дурно пахло, но мы были настолько голодны, что в один миг все это проглатывали.

Слева от этой дороги в низкое располагались казармы. Нам отвели туда. Тусклая лампочка освещала неуютное помещение с множеством железных кроватей, на которых не было ни одной спальной принадлежности. Нам с бабушкой отвели одну кровать на двоих. Кое-как мы на ней разместились, вместо подушек – руки под голову, никаких матрасов, одеял. На дворе хоть и стояла весна, но было очень холодно.

Рано утром ворвались немцы и стали всех выгонять на улицу. Опять очередь за баландой. Потом взрослых отделили от детей и под охраной повели куда-то, а нам было приказано вернуться в казармы.

Позже мы узнали, что гражданское население немцы используют на работе по восстановлению дорог. И железнодорожные и автомобильные дороги постоянно подвергались бомбардировкам, их надо было срочно ремонтировать. Для этих целей использовали женщин. Они разбирали кирпичи в разрушенных домах и засыпали ими воронки, другие асфальтировали или засыпали гравием, подвижным машинами. Говорят, раньше, до нас, и детей использовали на этих работах, но после случаев побега матерей с детьми, детей стали оставлять в казармах, зная, что без них матери не сбегут никуда. Возвращались они поздно вечером, очень усталые, голодные и мы снова выстраивались в очередь за баландой. Так было день за днем. Некоторые женщины не возвращались, они погибали под очередными разрывами бомб на дорогах. Дети погибших начинали громко плакать, но их «успокаивали» плетками. Наши ряды с каждым днем редели. Люди умирали от бомб, ран и голода. Мы с бабушкой держались, как могли, видно Бог еще до войны дал нам хорошее здоровье, поэтому мы даже как-то и не болели, в отличие от других. Но бомбежки продолжались все лето 1942 г.

Где-то ближе к осени они стали совсем невозможными: бомбы рвались кругом, дым, осколки, крик, лай собак, свист падающих снарядов. В один из таких дней немцы даже не смогли построить людей и отправить их на работу: от бомбежек стоял сплошной ад, разорвало даже колючую проволоку.

И моя бабушка решилась. Она крепко схватила меня за руку и рванула в этот проход между колючей проволокой. Мы оказались на воле и понеслись по каким-то кочкам среди грохота и дыма по направлению к лесу. Моя бабушка превратилась в какую-то фурию с растрепанными волосами, в грязной рваной одежде, она неслась как баба Яга на помеле. Я еле успевала за ней. За нами еще бежали какие-то люди. Мы ворвались в лес, ветки хлестали нас по лицу и рукам, но мы на это не обращали никакого внимания и неслись на пределе сил в какую-то неизвестность. К вечеру, в темноте, мы свалились под какое-то дерево и уснули. Утром бабушка дала мне горсть ягод, и мы побежали дальше. Не стало слышно бомбежек, за нами никто не гнался и мы перешли на шаг и даже по дороге собирали ягоды.

Наконец, лес расступился, и мы оказались на краю какой-то маленькой деревеньки в нескольких домиках. Бабушка велела мне сидеть в кустах, а сама пошла «в разведку». Деревня оказалась почти совсем пуста. Но чувствовалось, что еще совсем недавно здесь жили люди, но их срочно куда-то вывезли: в пещках у некоторых еще стояла нетронутая сваренная еда, вещи валялись так, словно их не успели взять с собой, во дворах бродил скот, лаяли собаки.

Мы поселились в самом крайнем доме, из которого можно было быстро убежать в лес в случае чего. Первым де-

## Вниманию бывших военнопленных

### Здравствуйте!

Обращаемся к Вам по рекомендации Харламовой Инны Павловны с просьбой о помощи! Дело в том, что мы, Благотворительный фонд «Сострадание», являясь дружественным партнером Немецкого объединения «Контакты-Контакты», проводим благотворительную акцию по передаче гуманитарной финансовой помощи российским ветеранам, находившихся во время Великой Отечественной войны в фашистском плену. Сумма помощи – 300 евро, была собрана «Контактами» из пожертвований простых граждан Германии, несогласных с решением немецкого правительства отказать выплачивать компенсации бывшим советским военнопленным, прошедшим через ужасы фашистской тирании. На сегодняшний день мы отработали список из 800 человек – выживших военнопленных, переданный нам обществом «Контакты», но результат оказался плачевный: живых оказалось только 60. И с каждым днем их становится всё меньше, ведь всё чаще они уходят от нас навсегда... Но мы не оставляем надежду еще найти бывших советских военнопленных, проживающих и «забытых» в удаленных уголках нашей Родины. Поэтому мы были бы крайне признательны, если бы Вы нашли возможность поместить информацию о проводимой благотворительной акции на страницах Вашей газеты и сайта.

С Уважением,

БФ «Сострадание», Елизавета Устинова (Джирикова)  
8(499)138-30-97

1 стр.

лом бабушка нагрела воды, отмыла меня и вымылась сама. Мы нашли одежду, которая нам подошла, переоделись, обулись. Дело шло к зиме, поэтому бабушка приготовила две котомки на плечи – себе и мне, в которые положила теплые вещи и все самое необходимое в дорогу. Все эти дни мы отъедались. Бабушка доила корову, отпаивала меня молоком, собирала яйца, варила картошку и зажили мы припеваючи. Но недолго.

А дальше события развивались так. Однажды, рано утром, послышалась автоматная очередь, залаяли собаки и через какое-то время со всех сторон стали выбегать немцы с автоматами. Бежать в лес было поздно, и бабушка нацепила мне и себе рюкзаки, оделась потеплее, набрали еды и стали ждать. Ворвался немец и приказал нам выходить. Первое, что мы увидели – это убитую девушку. Она лежала на земле с пулей в висок – такая небольшая круглая дырочка в виске и даже крови не было. Она лежала как живая, молодая красивая, в светлом платьишке. Я хотела подбежать к ней, но меня бабушка схватила за руку и велела не дергаться.

В деревне нас было несколько человек с детьми. Нас под конвоем вывели на дорогу, посадили в машину и повезли куда-то. Затем мы оказались на какой-то железнодорожной станции. Нас снова затолкали в товарные вагоны, закрыли на засов и повезли куда-то на Запад. Железную дорогу по-прежнему бомбили наши русские самолеты, снова горели вагоны, кричали люди, убитых выкидывали рядом с дорогой, вагоны перецепляли. И мы очень медленно, с постоянными остановками, продвигались все дальше и дальше от своего дома. Куда нас везут, мы не знали.

Наступила зима, но благодаря бабушкиной предусмотрительности, на сей раз в холодном вагоне я была тепло одета и обута. Еда помаленьку подходила к концу, но мы держались. Бабушка очень верила, что все это временное явление, что немцев обязательно разобьют наши войска, что Красная Армия нас освободит, а мама моя непременно нас найдет, и мы снова захживем хорошо.

Шла суровая зима 1942 г. Мы проезжали мимо горящего Смоленска. Там все было в дыму и в пожарищах. С неба, как горох, сыпались авиабомбы. Что-то взрывалось, что-то рушилось, что-то горело, разобраться было невозможно, кругом стоял сплошной страх.

Но мы как-то проскочили через этот горящий город и, через какое-то время оказались в Литве. Был новый 1943 год. Из вагонов нас всех высадили на просторной площади г. Шауляй, по периметру площади. А в центре находились какие-то немецкие начальники и местные мужики. Ни автоматов, ни собак не было. Все сидели тихо и ждали своего приговора.

Оказалось, что немцы разрешили тем литовцам, кто сотрудничает с ними, брать себе работников из числа привезенных. Могут выбирать любых и сколько хотят. Начался осмотр. Литовцы вместе с немцами ходили по рядам и рассматривали нас, как цыган – коней. Тех, на кого литовец указывал пальцем, выводили из строя и уводили куда-то. Выбрали и нас с бабушкой. Недалеко стояла лошадь, запряженная в сани, нас посадили в них и мы поехали.

Ехали сначала лесом. Все деревья были укутаны толстым слоем снега, а между огромных сосен, рядом с дорогой, встречались какие-то непонятные мне сооружения в виде креста с распятым на нем человеком, а над ним как бы крыша от домика. Лес закончился и мы подъехали к дому, одиноко стоящему у дороги. Прошли в дом, где пожилой мужчина нас сразу же повел к рукомоинику и мы с удовольствием вымыли лицо и руки. Затем он нас посадил за стол, что-то сказал своей жене, и она принесла крынку молока, масла и хлеба, хлеб был темный большой, продолговатый, испеченный в своей печке. Он взял большой нож, отрезал нам по большому ломтю хлеба, намазал маслом, налил в кружки молока и жестом пригласил все это съесть. Более вкусного бутерброда с маслом я за свою жизнь не ела.

Домик у них был небольшой, жили они с сыном и невесткой, нам отвели место в другом месте, объяснили, что надо делать, и мы остались на какое-то время жить у них.

Но однажды за нами приехал другой литовец и увез нас с бабушкой на хутор. У этого хозяина семья была другая: хозяин работал где-то у немцев, домом правила его жена и было у них трое детей да большое хозяйство. Хутор состоял из просторного дома, а во дворе имелись различные постройки: амбар для зерна, хлев для скота, курятник, сарай для сена и соломы. Хозяйка четко объяснила наши обязанности: бабушка делает всю уборку в квартире, стирает, моет, ухаживает за скотом. Я должна была сопровождать ребят в школу, т.е. нести их сумки, а потом приходить за ними, все остальное время – помогать бабушке.

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

# Исповедь уцелевшего человека

Мне тоже очень хотелось в школу. Я еще в 1941 г. должна была пойти в первый класс, но война круто изменила нашу жизнь. Я уже знала буквы, и даже был случай, когда сама написала записку.

Дело было еще в Никольском. Немцы установили огромную пушку у берега реки Тосны. Ее снаряды расстреливали Ленинград, об этом говорили сами немцы и население. И я решила послать маме письмо. Написала на листочке большими печатными буквами: «МАМА Я ЖИВА САША НЕТ МИЛА». И пошла к пушке, объясняю немцам: у меня мама в Ленинграде, прилепите мое письмо к снаряду, он упадет в Ленинграде, мама подберет мое письмо. Так мне тогда представлялась возможность сообщить маме о нас. Мне дали под зад пинка и показали, что меня могут прилепить к снаряду и послать в Ленинград. Стали хохотать. Я заплакала и пошла жаловаться бабушке.

Бабушка была в ужасе, она поддала мне по заднице и сказала, чтоб я к врагам никогда не ходила, что они могут убить.

Но сосед по землянке Сашка Тихомиров сказал, что к немцам надо идти и просить поест, а то мы умрем с голоду. Когда бабушки не было (она уходила чего-нибудь добывать), я присоединялась к ним (у Саши еще была сестра Лена и брат Миша) и такой толпой шли к тем немцам, которые обедали. Саша играл на губной гармошке, а мы пели немецкую песню: «Фонер казернер, фонер гроссен тог, фонер матернен вианциг волен вод» и т.д. (Извините за каламбур, но так сохранила эти слова моя память даже через 70 лет. Песня длинная.)

Времена тогда для немцев были не самые печальные – они наступали, поэтому на нашу самостоятельность смотрели сквозь хохот и наливали нам в подставленные котелки вполне приличную пищу. Я ее старалась съесть в отсутствие бабушки, не потому что была жадной, а знала, чем это для меня могло обернуться: как! просить у врагов! унижаться! и т.д. Могла «загреть» и под бабушкин арест. Хотя сама бабушка всегда, как коршун высматривала себе добычу, будь она у врага или безхозной валалась, лишь бы в клеве что-то принесла.

Так однажды она принесла в землянку приличный пакет в картонной коробке твердого вкусного меда. Стащила его у немца, который вез продукты, но отвлекся, и бабушка такой случай поживиться не упустила. Другой раз она прямо в огненный ад вбежала, чтоб набрать консервных банок. Горел продуктовый склад – соседний дом, в котором немцы этот склад устроили. Консервные банки нагревались, раскалялись, разрывались и вылетали из пожарища в разные стороны. Вот их –то бабушка и собирала.

Был еще такой случай. Мимо нашей землянки была проложена дорога через речку – зимник – на фронт, т.е. в лесочек, в сторону Колпино. Педантичные немцы ежедневно туда отправляли в одно и то же время на тележке, запряженной лошадей, обед. Снайперы не дремали, убивали немца, а лошадь голопом неслась в лес с бидонами еды. Однажды один из бидонов с телеги, вернее саней, упал в снег. Это не укрылось от бабушкиного ока. Огромными прыжками она доскакала до этого бидона и очень быстро прикатила его в землянку. Как она смогла так сделать, я до сих пор удивляюсь.

А еще немцы постирали и развесили одеяла. Одно бабушка стащила и без машинки, вручную, сшила мне пальто, в котором я проходила всю войну.

Но в Литве у хозяев бабушка вела себя совсем по-другому. Она выполняла все указания хозяйки, но ненавязчиво пыталась ей подсказать, что еду можно сделать вкуснее. Дело в том, что при наличии разных продуктов, еда у них была однообразная: утром на завтрак «макачка», т.е. в жареные шкварки макают отварную картошку. На обед в чугунок ложили кусок мяса и тертую кормовую свеклу и ставили в печь, залили все это водой. А второе было мясо, а на первое – суп из этой свеклы. Ужин делали так: в деревянное корытце сыпали муку, соль, заливали водичкой (круто) и все это тесто рубили топориком. Затем его высыпали в кипящее молоко. И так было каждый день, пока бабушка не предложила свои услуги в кулинарии, а в ней она толк знала и умела очень вкусно готовить.

Вскоре в доме запахло борщом, котлетами, тушеной картошкой с мясом, пирогами, блинчиками и всем прочим. Конечно, и мне перепадало. Утром я выгоняла скот на пастбище, а бабушка мне уже где-нибудь в условном месте пакетик с едой припрятывала или незаметно в карман что-нибудь сунет. Так что я уже не голодала.

Очень мне хотелось ходить в школу, но мне полагалось только три сумки носить и не переступать порог школы. Но однажды дети меня взяли на первый урок с собой. Первый урок – это закон Божий. Надо было весь урок стоять на коленях и молиться.

К тому времени я уже как-то говорила политовски и одну молитву знала наизусть. До сих пор помню: «Ачу, ачу, тав каж дена, ирус дона, ирус пена, ирус висько кятури, ачу, ачу – тав тори». Это молитва перед едой. Не прочитаешь ее – еды не получишь, так что я ее выучила первым делом и на всю жизнь. А в школе надо было читать молитвы по книжке, была у них такая толстенная на все случаи жизни.

Так вот, постояла я сколько-то на коленях, грубые самосвязанные чулки врезались мне в ноги, продолжать молиться как-то стало не очень удобно, и я просто села на пол. И тут же получила линейкой по голове, меня срочно выдворили из класса и больше никогда не ходила. А шел мне уже в ту пору десятый год.

Если сравнивать нашу жизнь в землянке с жизнью в Литве, на принудительных работах у хозяина, то она, конечно, отличалась. Впервые в Литве не стреляли, не бомбили, стояла тишина. Во-вторых, мы с голоду там не умирали и при бабушкиной способности я, сравнительно, была обута, одета и накормлена.

Мы даже по выходным и праздникам должны были ходить в костел и читать там по книжке молитвы. Я впервые там узнала, что такое Пасха. Перед этим днем все говели, мясного и молочного не ели, а на Пасху шли в костел. Полагалось туда идти с посудиною для воды и банкой с металлическими ручками (из проволоки) для огня. Сначала была служба в церкви, потом крестный ход, затем святтили воду в большом чане и разжигали огонь. Мы набирали святой воды и святого огня (углей) и быстро шли домой. Дома хозяйка разжигала этим огнем костер под таганком, в него наливали святую водицу и опускали яйца, всем по одному. Когда они были готовы, полагалось ими разговлаться, а потом можно было есть все остальное, в том числе и мясо с молоком.

В Рождество, например, варили кутью из зерен пшеницы с медом и маком. Так же ходили в костел на молебен, разговлялись там просвирами, их служитель церкви ложил каждому на язык.

Так что жизнь текла вроде мирная, но работы было много и у бабушки, и у меня: все перемыть, выстирать, убирать и весь скот был на нас. С весны до осени я его пасла. За день в деревянных башмаках так наработаешься, что к вечеру просто падали от усталости. Спали в чуланичке.

Но даже не это было самое трудное, а то, что ты находился в неволе, тобой и твоим временем командовали другие. В той же землянке, холодной, голодной, но свободной, я могла выйти когда хотела и куда хотела, могла играть с соседскими ребятами и сколько угодно лазить по разобранному дому, искать там себе еду или одежду. А здесь надо было слушать приказы хозяйки. А если учесть, что мы с бабулей до войны жили прекрасно: бабушка не работала, ей все делала Сусанна, а я была первой и желанной внучкой, которую все старались баловать, то нам эта неволя давалась еще хуже, чем голод, холод и бомбежки. Мне надо было учиться, а я носила портфели троем детям хозяев, да еще слушала их насмешки.

Но в августе 1944 г. и до литовских мест дошел фронт. Немцы отступали, но ожесточенно сопротивлялись. Хозяин наш переоделся в немецкую форму и часто даже по ночам не стал приезжать домой. Хозяйка была в тревоге и постоянно собирала какие-то вещи, дети из дома не отлучались. Чувствовалось, что они собирались бежать. Моя бабушка тоже была наготове и втихаря собирала нам котомки. Фронт все приближался, самолеты летали уже над нами, но все больше разрывались артиллерийские снаряды. Кругом летала смерть. Бабушка решила, что нам надо удирать из этого дома и под покровом ночи куда-то меня повела.

Вокруг хутора в основном была болотистая местность, в которой кое-где стояли небольшие островки деревьев. За нами никто не гнался. Видно, в этом крошечном аду хозяину было не до нас, и бабушка пошла к костелу. Пошла – это не то слово. Мы не шли, а перебирались то чуть ли не ползком, то прятались в канавах или в сараях, то бежали бегом. Вокруг все свистело, стреляло и взрывалось. Было очень страшно. Мы знали, что война подходит к концу и очень не хотелось умирать. Я полагалась только на интуицию

бабушки. Она всегда умела предчувствовать беду и этим спасала меня. Вспоминаю, как в начале войны она умудрилась избежать беды. Один раз мы пошли к соседям в погреб прятаться от бомб. Я хотела остаться у прохода, но бабушка утянула меня вглубь. А через некоторое время весь проход был залит кирпичом от печи, в которую попал снаряд или бомба. Примерно такой же случай был и в церкви. Мы там прятались. Я хотела рассмотреть купол, на котором были нарисованы красивые изображения. Но бабушка считала, что нам надо стоять подальше от него, в каком-нибудь уголке. И была права. От осколков или от чего-то другого купол рухнул на людей, которые под ним стояли. А мы спаслись. Когда налетела авиация, бабушка смотрела вверх и решала, куда надо бежать от падающих бомб. Если чувствовала, что осколки нас настигают, она грубо толкала меня в воронку или приказывала быстро падать на землю, а сама закрывала меня своим телом. Если я начинала вопить, она говорила: «Зато жива будешь».

Весь конец июля и начало августа мы бегали с бабушкой под грохотом канонады, Бог знает, где спали, что ели, в каких литовских местах прятались. Я этот период от страха плохо запомнила. Просто сжалась в комочек и с закрытыми глазами, вцепившись в бабушкину руку, так и носилась, как неприкаянная, от смерти, которая могла настичь нас в любой момент.

Зато на всю жизнь запомнила число 14 августа 1944 г. В этот день мы вышли на какую-то железнодорожную станцию и там были солдаты Красной Армии. Нам велено было не расходиться, народ все подходил и нас пообещали отправить на Родину.

Ехали мы обратно в таких же товарных вагонах, но не переполненных и на соломе, а не на голом полу спали. Почти не было слышно войны, ехали мимо разрушенных городов и сел с большими останками, т.к. постоянно пропускали составы на фронт. Прибыли мы на станцию Саблино в октябре 1944 г. Было уже холодно и надо было начинать думать о жилье. Дошли пешком (несколько километров) до Никольского. От дома нашего еще при нас во время пожара ничего не осталось. Почему-то вернулись назад и остались в поселке Юношества (теперь Ульяновка). В каменном доме бабушка нашла квартиру без двери и с выбитыми окнами. Стали ходить по развалинам и искать, чем залатать наше жилище. Это легло на бабушкины плечи, а я, с другими ребятами, принялась помогать устраивать дом во дворе. Это был знаменитый когда-то дом с куполом, где устраивались балы. Но в то время сохранились лишь стены да купол. Школу все-таки открыли и я впервые в марте 1945 г. пошла в 1 класс. Каникул не было и к сентябрю 1946 г. я закончила 3 класса. Летом 1945 г. вернулись из армии отец и мать, а в 1946 г. увезли меня от бабушки на Украину в Херсонскую область, Высокопольский район, где я училась на украинском языке (русских школ не было) и на «видиминно» закончила 4 класса. Затем родители переехали в Алтайский край, Тюменцевский район, конзавод № 39. Здесь я закончила 6-й и 7-й за один год и с восьмью классами уехала в Таллин к бабушке. Там я училась в вечерней школе, закончила Таллинскую ШПМ № 3 21 июня 1952 г. Все это время работала и училась.

На вопрос анкеты, опубликованной в «Судьбе»: «Как относились к нам на Родине после Германии?», не отвечу, я в Германии не была.

«Среди старых знакомых есть ли узники?» Да. Это наши родственники: две бабушкины невестки. Их угнали раньше нас вместе с сыновьями (тетю Женю с Олегом - 4 года и тетю Мусю с Юрой - 5 лет). Прошли они не легче нашего, а еще тяжелее, так как были в ту пору молодыми и красивыми. После войны их вернули на Родину.

И еще. У Спириденко Марии Александровны муж прошел всю войну с боями, воевал отважно, весь при наградах был. Остался служить в Таллине, но в 1946 г. погиб. Хоронить разрешили жене, сыну и матери, т.е. моей бабушке. Дали там маленькую квартирку, к ним в 1950 г. я приехала.

У Спириденко Евгении Егоровны муж Константин попал в плен, поэтому его потом осудили на 10 лет (в Котласе отбывал наказание), а жене разрешено было работать свинаркой.

В боевых операциях я не участвовала в силу своего малолетнего возраста. За войну все дни, месяцы и годы были очень трудными, тяжелыми и опасными. Самое радостное событие – это, конечно, 9 мая 1945 г. Встречала я его в поселке Юношества 11-летней девочкой. Недалеко от дома стояла зенитная часть. Служили там девушки. Они первыми узнали о Победе, начали стрелять, все повыскакивали из домов,

радовались, плакали, обнимались, пели песни, а мальчики стали строем ходить вдоль дороги и орал песню: «Броня крепка и танки наши быстры...»

Для меня самым мужественным человеком на войне была моя бабушка Спириденко Мария Ивановна 1890 г.р. Я никогда не видела ее слез, я никогда не слышала от нее ни стонаний, ни причитаний. Она всегда была собранной, серьезной и всегда знала, что надо делать в данный момент, чтоб выжить. Она делала все возможное и невозможное, чтоб хоть чем-то накормить меня, во что-то обуть, одеть. Я за всю войну ничем не болела. Правда, если надо было отпугнуть немцев, чтоб они нас не забрала, она могла вымазать меня зеленой или еще чем и говорить им, что у меня тиф или еще что. Она мужественно перенесла уход всех наших мужчин на фронт, затем смерть трех внуков от голода, жизнь в неволе, не зная, кто где, потом узнала, что дед погиб, вернее пропал без вести в бомбежку, сын погиб, второй - в тюрьме. Ни двора, ни кола. И, тем не менее, она выдюжила.

Каким было отношение к нам, побывавшим в плену? После освобождения те, кто был в концлагерях, гетто, на принудительных работах, старались никогда и нигде об этом не говорить. Все молчали. Но при заполнении анкет (на учебу, на работу, при вступлении в члены КПСС) всегда заполняли подробную анкету с каверзными вопросами. Например, я в 1960 г. вступала в члены КПСС, меня проверяли по всем инстанциям, в том числе, знаю, и в КГБ 1,5 года. На приеме меня спрашивали сотрудничала ли я с немцами. Хорошо один товарищ посмотрел на дату рождения и сказал, что в таком возрасте, в каком была я, сотрудничать с немцами было невозможно. Тем не менее, мою анкету положил в особую папку. Ко мне была приставлена член КПСС Милица Александровна, эстонка, которая должна была следить за моим поведением. Я была человеком жизнерадостным, участвовала в общественной жизни, вела КВН, вечера, выпускала газеты, но все это надо было делать под ее контролем и не допускать отсебятин.

В студенческие годы меня не пустили на целину. Училась я на отлично (стипендию давали только отличникам), участвовала во всех мероприятиях. А не взяли туда потому, что я была у немцев. Оказывается, на целине были сосланные немцы и где-то там наверху за меня решили, что я могла с этими немцами связаться и что-то устроить, хотя мне такое в голову никогда не приходило. На Алтае жило много сосланных немцев, мы с ними учились вместе и никогда не вдавались в подробности, почему эти немцы живут на Алтае, а не в Германии.

## НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАТЬ

# Исповедь уцелевшего человека

О бытовых особенностях пребывания в плену у немцев я написала подробно выше. Но вот на что обращаю внимание всё чаще и чаще. За всю войну, благодаря своей бабушке, я ни разу не была ранена, хотя находилась в самом аду фронта, где свистели пули и снаряды и рвались бомбы. И не болела. Бабушка всегда искала источник воды, заставляла мыться при любых условиях, следила, чтобы ноги всегда были в тепле, для этого могла не только связать мне носки, но и стащить у немцев готовые. Лекарств не употребляли, их не было, и бабушка их не искала, а применяла народные средства — мед, травку и т.д.

Я десять лет во всех архивах искала данные о семье Спириденко, о без вести пропавшем дедушке Давыде Андреевиче, о жившей до 1978 г. бабушке — Марии Ивановне, о себе — Морозовой Л.С., живущей и поныне. Но нигде, ни в одном архиве мы не значимся, не говоря уж о малых детях, умерших с голоду: Спириденко Лиде, Спириденко Алле и Морозовом Александре. Почитать ответы, у меня их толстая папка, таких людей вроде вообще не существовало в нашей стране, о нас нигде, ни в одном архиве не дают справки, кроме слов: такой не значится.

Вот об этом я никому не рассказывала, т.к. это бесполезно, все равно дадут отписку, что людей с такими ФИО не было, и нет. А может они не хотят рассекречивать свои документы, по которым можно узнать, куда делись эти люди, многие из которых погибли, а другие выжили. Только благодаря свидетелям из села Никольского, хорошо знавшим семью бабушки и которых немцы угнали в том же направлении, что и нас, я через суд получила подтверждение своего пребывания у немцев в концлагерях и на принудительных работах. Зачли честно написанную автобиографию и документы проверки по линии КГБ. Я десять лет затратила, чтоб доказать, где я была и что пережила и почему выжила. А мои двоюродные братья Спириденко Юрий и Олег не стали ничего доказывать чиновникам, плюнули, сказав, что им все равно ничего не докажешь. Они рано умерли. Из всей нашей довоенной семьи я осталась одна.

С уважением,

Л.С. МИХАЙЛОВА (МОРОЗОВА)  
Владивосток

### ЕЩЕ НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ

*После войны семья Морозовых жила в Украине, переехала на Алтай. Там Люда Морозова закончила вечернюю школу и уехала в Таллин, к бабушке, той самой Марии Ивановне, благодаря которой выжила и уцелела в войну. Работала сначала секретарем-машинисткой в райкоме комсомола, потом печатником в издательстве, поступила в институт, закончила физмат. Работала в школе на юге Эстонии, вела математику, физику и астрономию, электротехнику в ГПТУ.*

*В 1976 г. по семейным обстоятельствам переехала во Владивосток, в вычислительном центре работала математиком-программистом. Воспитывала дочь и сына. Никогда не теряла связи со своими родственниками и близкими.*

*- Я на пенсии уже 20 лет, - сообщает о себе Людмила Семёновна, - но не считаю, что жизнь прожита. Есть дети, внук и внучка. И подаренная еще на 70-летие, с работы, паспортная собачка (очень люблю собак). Есть общественные заботы, но, к сожалению, нет зрения.*

*Поблагодарим же Людмилу Семёновну за замечательную тетрадь в 44 страницы, старательно исписанную ровным, аккуратным почерком, за бесценные фотографии из семейного альбома с надписями, сделанными её рукой, пожелаем Людмиле Семёновне здоровья, активного, творческого долголетия!*

*На снимках: Спириденко Мария Ивановна (бабушка), Спириденко Давыд Андреевич (дедушка), стоит моя мама Ольга Давыдовна, маленький Костя. 1916 г. С.-Петербург, фотография М.Д.Стуколкина; Это я — Мила Морозова, г. Ленинград, 1939 год; Снимок 2008 года сделан в бухте Емар в оздоровительном лагере «Океан» после выступления активистов городского Совета бывших несовершеннолетних узников фашизм перед молодёжью. Слева направо: В.Н.Новикова, К.С.Светлович, Н.И.Колотовкина, В.Д.Просенюк, Л.С.Михайлова.*



## Извините, Вы живы?

С добрым днём, глубокоуважаемый товарищ редактор! Прошу меня извинить. Дело в том, что третий номер «Судьбы» я не получила, ходила на почту, там ничего не смогли выяснить. Очень понервничала, расстроилась и подумала, что с Вами что-то случилось. Знаю, что вы бывший узник, пожилой человек, которому не просто нести такой крест, как выпускать газету для узников. Не долго думая, написала письмо в Москву, в Международный центр нашего союза, председателю Николаю Андреевичу Махутову, мол, что случилось с редактором, ведь я не получила «Судьбы». И вот буквально сегодня, 13 августа с.г., получаю сразу два номера (№№3 и 4) «Судьбы». Вы не представляете, в каком я была радостном состоянии! Дорогой товарищ редактор, я всегда благодарна и тронута вашей работой и вниманием. Простите, что так плохо подумала... От всей души желаю крепкого здоровья, бодрости духа. С низким поклоном, душой всегда с Вами

Н.К. АКОПЯН

Ереван — 0038, ул. Арзуманяна, д. 6, кв. 7

### ОТ РЕДАКТОРА

Дорогая Нина Карапетовна! Спасибо за беспокойство, за добрые пожелания, за понимание того неопровержимого факта, что наша газета «Судьба» стала едва ли не самым надёжным и единственным средством об-

щения между людьми, особо пострадавшими от преследования нацистов в годы войны. Газета нужна, без неё всем нам не обойтись, через неё мы узнаём, где и как живут наши товарищи по былым несчастьям.

Да, армянская почта работает плохо. Но ещё хуже дела на почте российской.

«Судьба» № 3, которую не получили Вы вовремя, также не дошла до многих адресатов в Москве, Воскресенском районе и Кашире Московской области, Иваново, Нижневартовске, г. Дзержинске Нижегородской обл., г. Дятьково Брянской обл., Богучарах Воронежской обл., г. Карталы Челябинской обл., Самаре и других городах. Заказные конверты с экземплярами «Судьбы», отправленными подписчикам, проживающим в этих городах, возвратились в Улан-Удэ, в редакцию.

- Мы не можем держать заказную почту больше месяца, - оправдываются почтовики.

Понятно: в летние месяцы, в период дачного сезона и отпусков многим пожилым людям, в их числе и бывшим узникам, не до газет. Уведомления

на заказной конверт с «Судьбой» частенько и по долгу залёживаются в почтовых ящиках. Но кроме истечения срока хранения среди причин невручения «Судьбы» часто указываются и такие, как «выбытие адресата» и «иные обстоятельства». Читаешь эти отписки почтовиков и о чём только не подумаешь. Ну, куда мог выбыть читатель «Судьбы», как правило, человек, которому уже за 70? Какие такие обстоятельства помешали ему придти на почту за долгожданной «Судьбой»?

Как и у Вас, Нина Карапетовна, в голову редактора лезут всякие мысли. Перебирая конверты с возвращённой в редакцию «Судьбой», всматриваясь в фамилии подписчиков, не получивших газету, так и хочется крикнуть: «Уважаемые А.А.Жилёнок, З.И.Щедрина, Д.Н.Чеснокова, М.В.Соболь, А.К.Новикова, В.И.Карпутина, Резниковой, Н.Ф.Абраменкова, К.Е.Онищенко и другие! Извините, вы живы? Где вы? Откликнитесь!»

Наш адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Барнаульская, дом 60.

Л. СИНЕГРИБОВ.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ!

## ГАЗЕТА ЖЕРТВ НАЦИЗМА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР  
Л. К. СИНЕГРИБОВ  
(Улан-Удэ)

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Я. ГЕРАСИМОВ (Минск)  
М.К. ЖМАКИН  
заместитель редактора  
(Брянск)  
Л. Д. КОЗЛОВА (Москва)  
Н. А. МАХУТОВ (Москва)  
Т.Е. ПОЯТО (Тирасполь)  
Л.В. ПУНИНСКАЯ (Минск)  
Л. Н. ТИМОЩЕНКО  
(Даугавпилс)  
А.А. УРБАН (Москва).

### КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий ИВАНОВ  
(Улан-Удэ)

### УЧРЕДИТЕЛЬ:

Международный союз  
бывших малолетних  
узников фашизма

### РАБОЧИЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ:

101830, г. Москва,  
М. Харитоньевский пер., 4.  
Тел.: (495) 923-9168  
Факс: (495) 135-3097  
E-mail: safety@imash.ru

### РАБОЧИЙ ЦЕНТР В КИЕВЕ:

Украина, 01103, г. Киев,  
ул. Киквидзе, дом 6-а,  
помещение 43.  
Телефоны (380) 285-64-17

### ИЗДАТЕЛЬ:

Общественный  
благотворительный фонд  
«Газета "Судьба"».

### АДРЕС:

Россия, Республика Бурятия,  
670047, г. Улан-Удэ,  
ул. Барнаульская, 60,

### АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Республика Бурятия,  
670047, г. Улан-Удэ,  
ул. Барнаульская, 60.

Телефон: 8 (3012) 64-47-90  
для связи с редактором  
8-3012-484610 (с 14 до 17  
по московскому времени).  
Факс: 8-301-2-45-75-20  
E-mail: sudba2009@yandex.ru

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС  
31112

ПЕРЕПЕЧАТКА  
БЕЗ СОГЛАШЕНИЯ  
С РЕДАКЦИЕЙ  
НЕ ДОПУСКАЕТСЯ

### ПЕЧАТЬ:

ОАО «Республиканская  
типография»  
670000, г. Улан-Удэ,  
ул. Борсова, 13,  
телефон 21-37-77.

Подписано в печать  
25.10.2011 г.

Время подписания: 21-00  
Тираж 3000 экз.

Газета зарегистрирована  
Министерством печати  
и информации РФ.  
Регистрационное  
свидетельство 0110549.



4 620761 360012

Просьба к читателям,  
рассчитывающим  
на переписку с редакцией:  
в своем письме высылайте  
конверт с обратным адресом.  
Рукописи не возвращаются.

## Как подписаться на «Судьбу» 2012 года?

В каталоге (красном) «Газеты Журналы 2012 Первое полугодие Агентства «Роспечать» «Судьба» находится на 29 странице. Подписной индекс 31112.